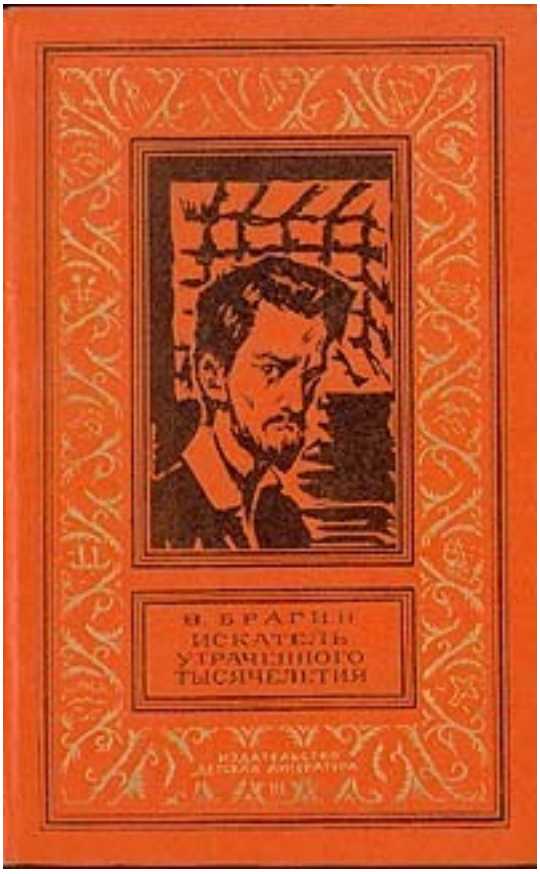

В. БРАГИН
ИСКАТЕЛЬ
УТРАЧЕННОГО
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Владимир Брагин

Искатель утраченного тысячелетия

Брагин В. Г.

Искатель утраченного тысячелетия / В. Г. Брагин —

Фантастическая повесть, посвященная поискам дневника и научных записей Веригина – исследователя, жившего в середине прошлого века, которому удалось найти секрет долголетия.

© Брагин В. Г.

Содержание

ПОИСКИ НЕВОЗМОЖНОГО 6
Часть первая 8
МУСОРНАЯ УРНА 8
СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК 10
ПЕРЕПУТАННЫЕ ПОЕЗДА 12
ВИШНИ… ВЛАДИМИРСКИЕ ВИШНИ 15
ДО КРУТОГО ПОВОРОТА – ОДИН ЧАС 16
НОЧНОЙ РАЗГОВОР 18
НЕСКОНЧАЕМАЯ ЖИЗНЬ, ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ 19
ЗАПИСИ, ВЫВОДЫ – ГДЕ ЖЕ ОНИ? 21
ВОТ! ВОТ ОН, ЭТОТ КУЛЕК! 22
ДОНОС ЗИМОВЕЙКИНА 23
ПИСЬМО ПОРОШИНЫМ 25
ПИСЬМА, ТЕЛЕГРАММЫ, ЗВОНКИ 27
ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН 30
ЭТЮД О ЛЮБВИ И О ВИШНЯХ 32
О ЛЮБВИ И ВИШНЯХ 33
От автора 35
ТАНЯ БОБЫЛЕВА 36
ФЛОТИЛИЯ САРДИН И МОДНЫЙ СТУЛ 38
ВСЕ ПОГИБЛО! 40
НЕТ! ЭТО НЕ СОН! 41
Часть вторая 43
ПЕРВОЕ ПИСЬМО ДОКТОРА ОЗЕРОВА ПРОФЕССОРУ СМЫСЛОВУ 43
ВТОРОЕ ПИСЬМО ДОКТОРА ОЗЕРОВА 45
ТРЕТЬЕ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ДОКТОРА ОЗЕРОВА 47
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ТЮРЕМНОГО ВРАЧА НИКОЛАЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ОЗЕРОВА ИЗ МОСКВЫ ПРОФЕССОРУ СТЕПАНУ ИВАНОВИЧУ СМЫСЛОВУ В ПЕТЕРБУРГ 49
РАПОРТ И ДОНОС 50
КОЖАНЫЙ МЕШОЧЕК 52
КОЖАНЫЙ МЕШОЧЕК 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Владимир Брагин
Искатель утраченного тысячелетия

Случайно попавший в руки писателя Нестерова листок с обрывками судебного дела революционера Веригина, жившего в середине XIX века, заинтересовал Нестерова. Еще более возбудило его любопытство то, что этот неизвестный Веригин просил суд передать в Академию наук его изыскания по продлению жизни человека на тысячу лет. Поиск дневника исследователя, предпринятый Нестеровым и доведенный им после многих приключений до конца, и составляет содержание этой фантастической повести.

Автор этой книги Владимир Григорьевич Брагин (1896—1972) известен нашим читателям своими произведениями «В стране дремучих трав», «Оранжевое кружево», «С добрым утром, моя сосна!» и др.

Рукопись книги «Искатель утраченного тысячелетия» осталась незавершенной в связи со смертью писателя и была доработана литератором Качаловой М. Н.

ПОИСКИ НЕВОЗМОЖНОГО

Первый научно-фантастический роман Владимира Брагина «В стране дремучих трав», вышедший еще в 1948 году и многократно переиздававшийся, рассказывал о приключениях человека, который хотел разгадать тайну полета насекомых: он нашел чудесный способ уменьшить свой размер и сам принял размер муравья.

Человек бросил прошлое, оставил любимую женщину. Но он хочет сообщить людям об открытиях, которые он уже сделал. Он пишет микроскопические письма, и его почтальонами оказываются бабочки. Но письма пропадают.

На поиски героя Думчева случайно направляется другой человек, человек, тоже верящий в невозможное.

В результате он находит гениального исследователя. Думчев возвращен в мир людей.

Наука посылает человека к невероятно далеким целям.

Ученый, занимавшийся жизнью насекомых, Фабр, описал нам жизнь пчел, муравьев и ос. Сейчас мы знаем о пчелах гораздо больше, чем Фабр.

Мы знаем о мире других целесообразностей, других решений жизни органических существ. Мы иногда пытаемся им подражать и видим, как сегодня многое осуществляется в технике.

Сегодня мы знаем много больше того, что знал Брагин почти полстолетия назад. Но оптимизм книги, вера в движение науки – в движение все убыстряющееся, – делает книгу «В стране дремучих трав» и сейчас занимательной.

Вместе с тем с ней происходит то, что происходит с романами Жюля Верна: фантастический роман становится романом по истории техники.

В новой книге Владимира Брагина, ныне умершего писателя, поставлена задача, которую мы не скоро решим. Задача долголетия.

В Москве вокруг храма в селе Коломенском стоят семисотлетние дубы; они или ровесники Москвы, или старше се. В Америке растут деревья, возраст которых равен возрасту пирамид.

Как будто бы тайна долголетия (может быть, и тайна бессмертия?) должна быть решена разгадкой жизни растений.

Роман «Искатель утраченного тысячелетия» интересен. Он начинается с нахождения в 1965 году загадочных листков, пошедших на обертку вишен. Разрозненные листки… Но из них узнается история поиска растения (дерева), которое содержит в себе секрет долголетия.

Такие деревья, которые автор описывает как реально существующие в Южной Америке, сами по себе почти бессмертны.

Передать человеку это удивительное свойство некоторых представителей растительного мира – в этом цель всей жизни героя романа, Дмитрия Веригина.

Он – молодой ученый, передовой человек своего времени (60-е годы XIX века), попадает в ссылку: во имя спасения целой организации Веригин принял на себя обвинение в распространении «Колокола» Герцена. И его самоотверженный поступок тяжко осложнил всю его дальнейшую жизнь. После побега из ссылки он в конце концов попадает в Гвиану.

Роман сложен и занимателен. Он героичен, полон оптимизма. Пусть тайна «бессмертия» не раскрыта до конца… Но мечтать о невозможном полезно.

О невозможном мечтали великие люди.

Сколько возможных решений было отвергнуто слишком благоразумными людьми! Этот список потерь, сделанных слишком благоразумными людьми, включен в роман.

Наука и Техника своими заданиями опережают время. Время освоения оказывается долгим, а эпоха нуждается в неизмеримо дерзких планах.

Как мы решим вопрос долголетия, как мы создадим долголетие без старости – это нам неизвестно. Но роман оптимистичен. Он может существовать, потому что человечество нуждается в постановке задач, которые сегодня кажутся сверхневозможными.

Виктор Шкловский

Часть первая
ПРОДЕЛКА СОЛНЕЧНОГО ЗАЙЧИКА

МУСОРНАЯ УРНА

У… У… У… И проносились, проносились под луной мимо дачной железнодорожной платформы ночные скорые поезда. Неутомимые! Они бросали на полном ходу неожиданный оглушительный рев и платформе, что поднялась над путями, и луне, что висела над ней, и лесу, что подступил к рельсам.

Поезда проносились и зарывались в синь темной летней ночи – они спешили к морю. Скорей! Скорей!

И какое дело им до мусорной урны – чугунной тяжелой амфоры с белой облезлой краской на рельефе из каких-то несусветных цветов и листьев, – урны, что стоит между двумя скамейками на дачной платформе Зеленпово. Да и на всем белом свете никому не было и нет дела до этой урны.

А ведь я бросил в нее… Стоп!.. Точка! Яснее скажу потом.

…Все напряженнее рылся я в урне.

Неужели не найти? Не может быть!

И росла, росла возле урны куча мусора: коробки от спичек, коробки от папирос и сигарет, скорлупа яиц, окурки, мятые банки из-под консервов, липкие бумажки из-под мороженого…

И когда не слышно было поездов, казалось, что на всем белом свете остались только луна, дощатая платформа, лес и урна. Да еще там, в конце платформы, одинокий фонарь да огонек 25-ваттной лампочки в будке билетной кассы.

Вот и с последнего дачного поезда сошли усталые люди. В темноте постепенно затихли последние шаги.

На платформе возле урны я остался один. Искать… искать…

Тишина. Глубокая ночь. Луна зашла за лес.

Как тускло светит электрический фонарик в моей руке! Неужели батарейка кончается?

Я заторопился. Но свет фонарика слабел, слабел… иссяк…

Где-то в кармане было полкоробки спичек. Ах, как быстро сгорели спички!.. Одна… другая… последняя!

– Гражданин! Чем вы здесь занимаетесь? Зачем жжете спички над мусором? Пожара захотели? Час поздний. Пора спать. Освободите платформу!

– Товарищ милиционер… простите, товарищ старший сержант! Тут в урну я по рассеянности бросил такой… такой документ.

– Пропуск на завод?

– Важнее!

– Командировочное удостоверение?

– Важнее!

– Паспорт?

– Ох, совсем другое… Тайну бессмертия!

– Не чудите, гражданин, – успокоительно, но твердо сказал милиционер после небольшой паузы. – Кассиршу в том окошечке видите? За вас давно переживает. Подсказала…

– Спасибо, девушка! – крикнул я из тьмы и услышал, как стремительно захлопнулась дверь будки. «Молодец! – подумал я. – Решила, видно, что я опасен, сообщила в милицию и осталась в своей билетной кассе до прибытия старшего сержанта».

– А все же, гражданин, я обязан проверить вашу личность.

Я назвал себя.

– Мало! Что имеется при вас?

– Вот… удостоверение…

– Что-то не похожи на себя!

– Понятно: снимался четверть века назад. Ведь время-то идет! Годы человека не забывают. Вот если в этой мусорной урне найду то, что ищу, листки, на которых…

– Уважайте труд уборщиц, гражданин! Мусор этот вокруг урны кто за вас убирать будет?

– Сам уберу! Поймите, товарищ старший сержант, ведь речь идет ни мало ни много – о человеческом бессмертии, о вечной юности. Когда-то люди поняли, что Земля вертится. И это было очень важно для науки, для всей жизни. А то, что здесь я ищу, может оказаться поважнее открытия вращения Земли и многих-многих других великих открытий! А мусор… все как есть сам уберу.

Милиционер участливо улыбнулся:

– Сами уберете?

– Непременно!

– Только спички жечь не придется, гражданин, – убрав улыбку, строго сказал милиционер. – Что ж! Если этот мусор вам для нахождения научного документа требуется, ждите рассвета. Но порядок! О порядке забывать не следует.

– Подожду! Обещаю. И сам все уберу. Не беспокойтесь, товарищ старший сержант!

Поднес руку к фуражке и ушел, улыбаясь, милиционер.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

И вот я сижу на платформе маленькой станции Зеленцово. Жду рассвета.

Как все произошло? Я стал вспоминать.

Сегодня утром… Ну конечно, все началось сегодня утром. С солнечного зайчика.

Сегодня, 5 августа 1969 года, в жаркий воскресный день, залетел в мою комнату солнечный зайчик, зыбкий, острый. Он помедлил на моей руке. Скользнул по бумаге, улетел. Не будь его, я не поехал бы за город. А уж там, в дачном вагоне, не встретил бы… Но об этом потом.

Дело было вот как.

Маленькая в Москве улица со странным названием «Ленивка» не спеша сбегала к Москве-реке. Улица узенькая, очень старенькая, и само название очень старое (говорят, при Иване Грозном здесь был «ленивый» рынок). Может, был, может, не был… Но еще сегодня осталось название самой маленькой улицы в Москве: Ленивка.

Солнечное воскресное утро стояло в тот день в Москве. И вот в моей большой светлой комнате старого дома на Ленивке стали появляться на полу и на стенках светотени. Зайчики. Появлялись. Скакали и замирали на своих местах. Исчезали. Все понятно: ведь в большом, пятиэтажном доме напротив люди стали открывать окна, двери балконов, форточки.

Я сидел за столом и писал. Но вдруг по бумаге скользнул солнечный зайчик. Он помедлил на моей руке и сразу же метнулся на стену, промчался по потолку и опять вернулся ко мне. Опять легкое, едва уловимое, словно теплое прикосновение. Я оторвался от работы. На балконе дома напротив сидели два мальчика. Один, лет семи, худенький, длинный, с рыжей копной волос (наверно, веснушчатый и с озорными^ глазами), держал в руках зеркальце. Другой мальчик, полный, с очень серьезным лицом, поднес к глазам бинокль и то и дело наклонялся к своему другу – отдавал приказания. И летели во все концы маленькой улицы солнечные зайчики.

– Эй! Вахтенный! – донеслось до меня, и тут маленький «капитан» наклонился к своему помощнику: – Подать солнечный знак людям на берегу неведомой Земли!

И снова стал гулять по моей комнате зайчик… Прятался, возникал, исчезал…

Приказание за приказанием – отрывистые, четкие – отдавал полный мальчик, держа в руках бинокль.

Неожиданно я, не сходя с места, почувствовал себя вовлеченным в эту игру.

Пружины работы, ради которой я сел за стол, стали ослабевать.

Не откладывая пера, я смотрел то на бумагу, то на мальчиков на балконе.

А «капитан», разглядывавший маленькую улицу в бипокль, все громче выкрикивал слова команды:

– Струю света направить… под углом сорок пять градусов!

– Есть направить под углом сорок пять градусов струю света! – бойко откликался «матрос».

– И все же надо работать, – решительно сказал я себе и, взяв бумагу и ручку, перешел в другую комнату.

Но солнечный зайчик настиг меня и здесь: он то ложился на бумагу, то взлетал к потолку, наблюдал, следил за мной с потолка, а потом падал на написанное слово, освещая его. И при его настойчивом свете мне начинало казаться, что я пишу совсем не то, что надо.

Теплый утренний ветерок наполнил комнату. И впрямь, не поехать ли за город? Ведь в лесу уже закраснелась рябина. Я отложил перо. На столе на белой бумаге лежал светлый зайчик с золотыми краями. Теперь он был спокоен и тих, словно чего-то дожидался.

Где-то рядом послышался гудок теплохода: на Москве-реке шла своя жизнь. «Ракеты» причаливали, отчаливали, уплывали. То и дело в комнату долетали отрывки песни: пассажиры пелп. Я почувствовал, что окончательно теряю нить своей работы.

Тяга к простору, к встрече с ветром, с лесом захватила меня. «Скорей за город!» – подумал я. И тут солнечный зайчик, словно подслушав меня, затрепетал, вскочил и лог па ручку двери.

– Нет! Остаюсь! – сказал я и снова взялся за перо.

Солнечный лучик лукаво вздрогнул и лег на берет.

Тут уж я не выдержал. Схватил берет со стула. Была не была.

Хлопнула дверь, щелкнул замок.

Вот и площадь перед вокзалом.

Солнечный зайчик!. Ведь это ты, ты погнал меня от письменного стола к вокзалу, в лес.

И теперь ты остался один, совсем один в большой пустой московской квартире.

ПЕРЕПУТАННЫЕ ПОЕЗДА

Итак, вокзальная площадь.

Спешат к поездам дачники. Второпях я почему-то пошел к перрону через комнаты ожидания. Мимо пассажиров с детьми, которые плачут, улыбаются, спят и не спят, перебирают свои игрушки на скамейках, мимо пассажиров с их чемоданами, баулами, мешками, продуктовыми сетками, пакетами, корзинками и ящиками.

– Внимание! Поезд номер шестьдесят два прибывает на третью платформу, – хрипло и невнятно пророкотал громкоговоритель. Потом в нем что-то щелкнуло, и он ненадолго замолк.

Я вышел на перрон.

Убегают от платформы вокзала рельсы. Они бегут попарно… попарно… Сколько чувств, мыслей, ассоциаций возникает в тот миг, когда смотришь на эти стальные пути, – они уходят, все уходят вдаль…

Я глянул на транспарант. Мне надо ехать до платформы Зеленцово.

«Зеленцово… Зеленцово», – торопливо искал я глазами на транспаранте. Вот удача! Поезд рядом… Скорей… Он уже трогается… Бегу.

– На Зеленцово? – раздался позади меня чей-то задохнувшийся голос.

– Да, да, – нетерпеливо ответил я, и вслед за мной в вагон вскочил какой-то человек.

В вагоне я устроился у окна. Отдышавшись от спешки, огляделся. Странно! Ведь сегодня воскресенье, а столько свободных мест. Ах да, очевидно, добавочный. Мне просто повезло!

Поезд набирал скорость. Продавщицы мороженого толкали в проходе вагона свои сундучки на каточках, предлагали, перечисляли все сорта мороженого.

Я раскрыл книгу.

– Спасибо! Вы подсказали мне мой поезд! – услышал я возле себя.

Напротив меня на скамейке, тоже у окна, сидел молодой человек. Густая шевелюра, высокий лоб, беспокойные глаза.

– Понимаете, на ваших московских вокзалах трудно разобрать транспаранты – указатели движения поездов. Вот у нас в Ленинграде – все начертано четко и ясно.

– Порядок! – сказал я насмешливо. – В Ленинграде – порядок! А в Москве – одна суета…

– Зачем же обобщать? – Юноша еще что-то хотел сказать, но вдруг замолчал: он поймал мой взгляд – а я усиленно рассматривал авоську, висевшую на крюке над его головой.

Я вовсе не любопытен. Какое мне дело до чужих авосек? Но здесь! Чего только в ней не было, в этой сетке. Какой странный натюрморт! Помидоры – и томик Блока, вязка баранок – и «Биогеохимические очерки» Вернадского, творог в пачках – и Рахманинов «Вариации на тему Паганини», бутылка с оливковым маслом – и разноцветные детские кубики в целлофане.

Я отвел глаза, но на скамейке увидел еще одну такую же авоську: коробка диетических яиц, банки сгущенного молока, книга Эйнштейна «Эволюция физики», тут же сыр в яркой финской упаковке и нотная бумага, свернутые в трубочку ноты и поверх всего ребром – патефонная пластинка в красном футляре.

Поезд шел. Останавливался. Пассажиры входили, выходили. В окно я не смотрел: читал книгу. Сколько прошло времени? Не знаю.

– Те… те… – Голос из микрофона очень ясно прозвучал: – Станция Мезенцово! Поезд дальше не идет! Пассажиров прошу освободить салоны вагонов.

– Мезенцово?! – вскочил я: ведь мне надо в Зеленцово! Почему же Мезенцово?!

– Прошу освободить вагоны, – снова раздался голос из громкоговорителя.

Что я наделал! Перепутал поезда! Ну и ну! И этого молодого человека подвел.

– Предвидел! Две нечеткие буквы на вокзальном трафарете могут изменить жизнь человека, – взволнованно, шепотом говорил мой спутник, сходя на платформу и таща свои сетки.

– Жизнь не переменится от того, что два-три часа мы подождем, – ответил я возможно спокойнее, но внутренне негодуя на свою рассеянность.

– А разве случайность не может стать роковой?

– В Ленинграде, конечно, у вас случайности не бывают! Наверно, там буквы на транспарантах печатают и проверяют на фабрике Гознака, как десятирублевки…

– Не смейтесь. Мне завтра играть перед Дмитрием Дмитриевичем.

– Перед кем?

– Перед Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем, – с удивленным нетерпением ответил мой собеседник. – Я должен подготовиться. А я, видите ли, с поезда на поезд прыгаю!

– Обождем два часа здесь, в Мезенцове, а там поедем на промежуточную станцию Меншуткино, сделаем пересадку, и через двадцать минут будет наше Зеленцово, – нарочно рассудительно отвечал я.

Ожидать поезда на Меншуткино было очень, очень скучно.

Шагал и шагал по платформе мой спутник, метался из конца в конец, томился, наконец устал, сел возле меня на скамейку.

Мне захотелось развлечь его.

– Раз судьба нас связала, так давайте познакомимся, – начал я. – Как вас зовут?

– Окольничий Сергей Васильевич, – охотно отозвался молодой человек.

– Итак, вам предстоит разговор с Шостаковичем? – сказал я, после того как назвал себя.

– Да.

– Так вы музыкант?

– Я без пяти минут биохимик.

– Кто?

– Да, да, я на пятом курсе университета.

– Итак, четыре года назад вы шли на экзамен в университет, а знали, что вам надо учиться музыке?

– Нет, я честен перед самим собою. Мир для меня зазвучал совсем недавно… вдруг… Однажды в белую ночь неподалеку от Медного всадника. Я вдруг подумал, что, может, на этом самом месте когда-то Пушкин и Мицкевич укрывались от дождя под одним плащом, – подумал… н вдруг словно что-то прорвалось наружу: и слова Пушкина, и думы Мицкевича. И отсюда началось. Весь мир предстал предо мной в немом многоголосом звучании. Оно не прекращалось ни днем, ни ночью. «Нет, – сказал я себе, – от самого себя не откажешься, никуда не убежишь… Мне надо учиться музыке. А все остальное трын-трава».

Мучительное чувство! Чем бы я ни был занят, но днем и ночью на все, что бы ни случилось, о чем бы ни вспоминал, – на все возникает свое звучание.

Смотрите! Вот мы перепутали поезда, а во мне уже подымается вихрь, рой голосов – они рассказали бы людям о загадке случая, о его значении, о роли в жизни человека. Знаете, о чем я мечтаю? Я хотел бы написать симфонию «Теория вероятностей». И одна из частей – это встреча Пушкина и Мицкевича в ненастье, возле Медного всадника.

Окольничий почему-то внезапно замолчал и стал перекладывать продукты в своих сетках.

Я поднялся со скамьи, чтоб ему не мешать.

«Впечатлительно живет… – подумал я. – Трудна, ох трудна жизнь этого милого человека!»

Теперь уже не Окольничий, а я бродил вдоль станции. Бродил скучно и бездумно. Вглядывался в ослепительную голубизну неба, вслушивался в деловые гудки паровозов, шмыгавших то туда, то сюда…

Медленно я подошел к краю платформы. И вдруг услышал женский голос, идущий откуда-то снизу. Я невольно прислушался.

И вот с этого мгновения все и началось.

ВИШНИ… ВЛАДИМИРСКИЕ ВИШНИ

– А у меня пятистенок… да с железной крышей, – откуда-то снизу долетел до меня низкий, звучный и чем-то обеспокоенный голос женщины. – Летом полдома дачники снимают. Сад у меня вишневый. Им вишни продаю. Все лето варенье варят. Бог весть, сколько сахару изводят. Да пусть варят, их дело. А я вот встаю утром, смотрю па дом, на сад. Вот и говорю дочке: «Дочь! Неужели буду я и дом и сад делить?.. Да с кем? С твоим студентом-художником, который всю свою родню из-под Тулы из колхоза перевезет?»

– А она что? Она-то как отвечает? – послышался высокий голос другой женщины.

– Она-то? Она в ответ: «Мама! Вам бы все сад да сад! Сберечь сад! А любовь мою сберечь вы и не хотите!»

И опять высокий голос:

– Он, студент-то, может, и стоящий человек?

– Он-то? Чего он стоит? Добро бы, на инженера учился, а то… на художника, и все тут. Гол как сокол! Изведет он сад на краски. Моя-то чуть школу кончила – к ней наш агроном посватался. С нашей же деревни. Митрофан Иванович. Настоящий мужчина. Меня до сих пор мамашей называет. – Хозяин мой – покойник, царство ему небесное, – тогда еще жив был. Хозяин сам же придержал это дело! Пусть, мол, девка в институт иностранных языков идет. Высшее обучение получает. Вот она в Москве, в институте, через подружку с этим студентом-художником знакомство свела! Совсем голову потеряла: затвердила одно: люблю и люблю, и все тут. Себя не помнит! Все по выставкам всяким, взявшись за руки, бегают. А что толку в этих выставках?! Нам в дом мужчина нужен… самостоятельный. Взять бы того Митрофана Ивановича – я бы спокойна была и за дочь, и за дом, и за сад. И внука нянчила бы.

Я глянул с высокой платформы и увидел двух женщин, сидящих на траве под лесенкой. Около одной стояла корзина с вишнями, около другой – корзина с грибами.

– Эй! Продайте вишни, – перегнулся я через перила.

– Сюда! Сюда, гражданин. Спуститесь, – степенно начала женщина с вишнями и вдруг резко и сильно, точно ей надо было перекричать толпу, затянула нараспев: – Ви-и-шни… Вла-а-ди-и-мирские вишни-и… Ка-аму вишни, вишни-и…

Я спустился по деревянной пологой лесенке с шаткими ступеньками.

Возле корзины с вишнями сидела крепко сбитая женщина в кофте с разноцветными пуговицами. Серьги в ее ушах чуть-чуть покачивались при каждом движении, на безымянном пальце правой руки поблескивало два обручальных кольца – свое и покойного мужа. И еще: возле корзины с вишнями на земле лежали небольшие листы пожелтевшей бумаги, из которых эта женщина сворачивала кульки. Целая стопа листов. А на стопе – камешки.

Женщина, разговаривая, протянула руку, вытащила из-под камешков один лист, исписанный какими-то цифрами. Почему-то отбросила его в сторону. Взяла еще листы: один, другой, третий. Рука ее – ладонь и пальцы были окрашены темно-красным вишневым соком. Я заметил эту окраску в тот миг, когда она привычным движением свертывала кулек, а потом ловко опрокидывала в него граненый стаканчик, полный вишен.

Один кулек с вишнями был у меня уже в руках, и тут я подумал о своем спутнике.

– Дайте-ка еще один, – попросил л.

– Сделаю! Ладно! – сказала женщина, снова потащила листки бумаги из стопки.

Но тут камешки, придерживавшие все листки, скатились, а неожиданно налетевший ветер унес листы в разные стороны.

– Ну и пусть! – сказала женщина и положила на оставшуюся пачку листков кусок кирпича. Свернула еще один кулек, наполнила вишнями, протянула мне.

Листки, листки… унесенные ветром! Сколько их было тогда?

ДО КРУТОГО ПОВОРОТА – ОДИН ЧАС

Что было дальше? Как будто бы ничего особенного. Дождались поезда, сделали пересадку в Меншуткине, поехали на Зеленцово. О чем-то говорили… О чем? Не помню. Знаю одно: вишни были сочные, спелые и очень душистые. А мой спутник ел их медленно-медленно. Казалось, что каждая вишня приносит ему какую-то свою радость.

Вот и Зеленцово. Приехали! На платформе мы на минуту остановились.

Окольничий спрятал в сетку с продуктами свой кулек, в котором еще оставались вишни, и тут же бережно, подальше от кулька переложил томик академика Вернадского. А я свой пустой кулек смял и бросил в мусорную урну на платформе.

Обо всем этом в таких подробностях я не зря теперь вспоминаю.

Шли молча.

– О чем вы думаете, Сергей Васильевич? – спросил я своего спутника.

– Не могу примириться: две нечеткие буквы на перронном указателе нас запутали, и мы весь день проплутали невесть где.

– И эта случайность может погубить ваше будущее: – не утерпел я.

Мой спутник сделал вид, что не слышит, и продолжал:

– Я с мучением вглядывался в мусорную урну.

– Какую?

– Там, на платформе, вы еще бросили в нее свой пустой кулек. Какая она аляповатая, несуразная, да еще листья аканта отштампованы на ней. А сколько чугуна ушло на это милое создание! В Ленинграде… его безупречная стройная архитектура, серьезная и холодная Нева, настойчивый сумрак белых ночей – там все обязывает к строгости и к себе, и к делам.

– Конечно, на московском небе над нами просто луна, а на ленинградском небе Селена.

– Я думал о вас лучше… – с грустью сказал Окольничий.

– Простите, Сергей Васильевич, – примирительно сказал я, – ведь я просто развлекаюсь, играю словами, а думаю совсем о другом.

– О чем?

– О зайчике. О солнечном зайчике. В моей пустой квартире он по мне скучал, скучал и растаял.

– Опять развлекаетесь словами?

– На этот раз нет, – ответил я. – Мы пришли. Здесь, в этом домике, летом я снимаю комнату. А вот мое окошко.

– Прощайте! – улыбнулся напоследок Окольничий.

– Уверен, что Дмитрий Дмитриевич сразу же почувствует замысел вашей симфонии и поддержит вас, – сказал я, пожимая руку Сергею Васильевичу.

Глаза Окольничего чуть потеплели.

– Спасибо! Большое спасибо! Прощайте.

– Прощайте.

Я вошел в свою комнату. Распахнул окно. Рама задела ствол сосны. Теплый летний сумрак уже обволакивал его.

Выглянув из окна, я увидел, как медленно и задумчиво шел по просеке мой недавний спутник, а его две авоськи с продуктами, книгами и нотами качались и мотались в такт его шагам…

«Так, наверно, он и сам будет мотаться в жизни… А интересный человек, – подумал я. – И, наверно, я его больше не увижу. Жаль. Впрочем, – загадал я, – если он обернется, значит, мы еще увидимся».

Окольничий вдруг остановился. Он, видно, что-то вспомнил, задумался. Но не обернулся. Скрылся.

«Значит, не увидимся! Чепуха! Дачная чепуха. Пора спать!»

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Поздняя ночь. Спокойно лежат на полу светотени. Снова луна поднимается над соснами.

Но мне не спится. Бессонница.

От бревенчатых стен шел смолистый запах.

Сосны даже срубленные живут, раздумывал я. Как странно! Люди срубили сосну… много сосен… Сделали дом. А они, сосны, и срубленные живут, веселя душу своим запахом. И еще какой-то другой запах – сухой и резкий – примешивается к запаху бревен. Мох! Ведь мхом проконопачены пазы меж всех этих бревен.

Луна уже стояла высоко в небе.

Я стал было дремать. Но вот сквозь приближающийся сон мне послышался голос: «Люби, – говорю своей дочери, – агронома, а она хочет за студента-художника. Погибать, значит, саду-то моему вишневому?» Откуда это? Ах да, так говорила женщина, торговавшая вишнями, а голос… Вишневый сад… Вишневый сад… А вот уж другой голос: «Торги… Аукцион на двадцать второе августа…» Сразу узнаю: это Лопахин, он будет рубить вишневый сад. Пьеса Чехова во МХАТе. Умолк Лопахин. Растаял.

Я стал засыпать… Все тихо. Остался только стук топора. Стучит в театре топор – рубят вишневый сад. Стук… Стук…

Проснулся. Стук повторился, но уже наяву – ясно, часто, дробно.

Стучал кто-то в мое окошко:

– Проснитесь!

Я вскочил. У открытого окна стоял при луне тот самый Окольничий, с которым мы плутали сегодня по разным станциям.

– Простите меня – разбудил! Но случилось нечто невероятное…

Я включил свет.

– Ничего не понимаю. Не стойте под окном, как в любовном романсе. Зайдите в дом.

И вот Окольничий сидит у стола. Вид у него встревоженный до крайности.

– Что случилось? Почему молчите?

– Бежал к вам… – Он умолк, уставился неподвижным взглядом на лампочку.

– Так что же случилось?

– Скажите, ведь вы знаете о том, что Кибальчич и на суде и перед казнью думал не о смерти, а о том…

– …чтоб до людей дошло его открытие. И просил суд сохранить его записи, – нетерпеливо подсказал я. – Но к чему это?

– Вы помните там, на станции, урну… ну, мусорную урну?

– Мусорную урну? Не понимаю. О чем вы, Сергей Васильевич!

– Наверное, в том кульке, который вы бросили в мусорную урну на платформе, скрыта разгадка тайны. Впрочем, читайте! Читайте скорее. Еще раз простите, что я помешал вам спать.

Он протянул мне большие смятые листы желтоватой твердой бумаги, измазанные вишневым соком.

– Что это за грязные бумаги?

– Мой кулек из-под вишен.

– Чего вы от меня хотите?

– Читайте!

Нехотя взял я листы и поднес поближе к лампочке.

НЕСКОНЧАЕМАЯ ЖИЗНЬ, ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ

Листы были исписаны четким, но мелким почерком.

Окольничий выдернул из моих рук нижний лист и положил его сверху:

– Для начала возьмите вот это.

Мне бросилось в глаза, что в правом верхнем углу листа очень ясным писарским почерком с лихими завитушками было старательно выведено: «27 августа 1858 года», а в левом – «К протоколу следствия, лист 117-й».

– Это что еще?

– Судебное дело. Чрезвычайной важности. Сто лет назад. Начала нет, но это неважно. Читайте, прошу вас.

Я нехотя принялся за чтение.

«…Экспертное заключение врача-психиатра Н. Е. Озерова.

В оном заключении врач-эксперт указывает на то, что обвиняемый страдает душевной болезнью в форме мономании, возникшей на почве контузии, полученной во время Севастопольской кампании и сопровождавшейся потерся памяти.

Посему все деяния обвиняемого, произведенные им по получении контузии, то есть начиная с 15 июля 1855 года, должно понимать как проявления помраченного сознания и состояния невменяемости; самого же обвиняемого рассматривать как человека душевнобольного…»

Я остановился в недоумении.

– Читайте же! – нетерпеливо настаивал Окольничий.

Я подчинился.

«…после оглашения экспертного заключения врачапсихиатра Н. Е. Озерова обвиняемый Дмитрий Веритин обратился к следователю:

– Господин следователь! Отвергаю! Сегодня, в среду 27 августа 1858 года, я, Дмитрий Веригин, категорически отвергаю заключение врача-психиатра. И не помрачением сознания обусловлены мои деяния, а именно: доставка и распространение свободолюбивых изданий Герцена, зовущих народ к свободе. Отдаю себе отчет: если вы, господин следователь, согласитесь с экспертизой врача-психиатра, то и кара смягчится. Но, будучи в здравом уме и твердой памяти, отвергаю заключение врача-психиатра. Однако сейчас поведаю о другом.

Да! Во время Севастопольской кампании, 15 июля 1855 года, вследствие разрыва бомбы я действительно лишился памяти. Даже имени своего не мог назвать. Но за какую-то минуту до этого меня осенила одна догадка…

Следователь. Уж не эта ли ваша «догадка» привела вас на скамью подсудимых?

Обвиняемый. Многие годы потратил я на то, чтоб проникнуть в суть вопроса: почему так коротка человеческая жизнь? И вот за миг до контузии я подошел к разгадке тайны, как продлить человеческую жизнь на тысячу лет и сохранить непроходящую юность.

Следователь. Обвиняемый Веригин! До ваших умствований мне нет дела. Не уклоняйтесь от предъявленного вам обвинения. Итак, будучи в здравом уме и твердой памяти – не так ли? – вы признаете себя виновным в подготовке народного возмущения против монарха?

Обвиняемый. Горе народное повелело мне не остаться безучастным к судьбе несчастного люда. Отец мой был врагом. И с ним я еще ребенком разъезжал по деревням, где он лечил больных. С детства видел я нищету и бедствие народное. На медицинской практике я убедился: почти все болезни в народе идут от голода и бесправия, в которых держат страну царь, правительство и богатые люди…

Следователь. Прекратите, обвиняемый, свои дерзкие речи. Еще одно такое высказывание усилит вашу вину и наказание.

О б в и н я е м ы й. Тут ваша власть. Подтверждаю! Желая помочь избавлению народа от страданий, я принялся за распространение надлежащей литературы среди офицеров, для чего посещал казармы.

С л е д о в а т е л ь. Признаете ли вы себя виновным в том. что для получения крамольных воззваний держали преступную связь с лицами, стоящими вне закона? Посягающими на спокойствие России?

О б в и н я е м ы й. Открыто заявляю: я совершил не одну, а несколько поездок в Лондон к Александру Ивановичу Герцену. Там, в Вольной типографии, я получал литературу. Ездил в последний раз уже после контузии. Как видите, утверждение врача-эксперта о том, что я психически больной, здесь ни при чем.

Следователь. А теперь назовите своих сообщников.

О б в и н я е м ы й. Сообщников у меня не было. Я одни, на свой страх и риск, привозил «Полярную звезду» и прокламации Герцена. И сам распространял пх. Я это уже говорил. Приговора не боюсь. Но долгом жизни моей считаю передать людям мою догадку. Господин следователь! Обращаюсь к вам с единственной просьбой: мои записи и расчет прошу передать в Академию наук. Свыше года я пробыл и тюрьме. За это время я кое-что успел в направления того, как законы биологии проверить математикой. Вот здесь, в этой тетради, некоторые мои вычисления, первые выводы. И я, Веригин, прошу вас особо отметить в протоколе мое пожелание передать в Академию наук эти мои записи и…»

Окольничий остановил меня.

За окном стояла глубокая ночь. Черные деревья спали, каждое на свой лад, и покачивали, каждое по-своему, на легком ветру свои ветви.

– Алхимики… Вспомните о философском камне, о попытках превращать одни элементы в другие, о поисках эликсира жизни. А в наши дни превращение элементов уже не проблема. До эликсира бессмертия еще далеко, а вот этот неизвестный Веригин уже что-то нашел, чтоб продлить жизнь людей на века. Как вы не хотите это видеть?

– Будет вам, Сергей Васильевич, – возразил я. – Этот Веригин просто чудак, помешавшийся на несбыточных мечтах о человеческом счастье. И видит он это счастье в долгой жизни и нескончаемой молодости. Мечтатель!

– А что вы скажете о Ри-ше-лье? – Последнее слово Окольничий сказал раздельно и значительно.

– Какой Ришелье? При чем тут Ришелье? Тот, что был в Одессе? И там еще памятник ему?

– Да нет, другой! Умнейший и образованнейший человек семнадцатого века, кардинал Ришелье посадил в сумасшедший дом Соломона Ко, инженера. А за что? За то, что этот человек (за двести лет до того, как паровоз потащил вагоны железной дороги!) создал учение о механических движущих силах. А при этом еще указал на силу пара. И вот образованнейший Ришелье посчитал этого Ко безумцем и посадил его в дом для умалишенных.

– И вы хотите сказать, что…

– Прошу вас, читайте! – с мольбою сказал Окольничий. – Или давайте я… лучше я.

Окольничий поднес листок к глазам и тихо, как бы оберегая каждое слово, стал читать:

– «…повторяю: заключение врача-эксперта о моей невменяемости из-за потери памяти здесь ни при чем. Я хочу вернуть некогда утраченное человеком тысячелетие жизни. И так сохранить молодость, изгнать старость с нашей земли.

Следователь. Повторяю: мне нет дела до ваших умствований. Извольте отвечать…»

ЗАПИСИ, ВЫВОДЫ – ГДЕ ЖЕ ОНИ?

– Стойте! – воскликнул я. – Бросьте чтение! Записи, выводы – где же они? Где же научная суть этой догадки насчет тысячелетней жизни? Где? – кинулся я на Окольничего. – Научной сути как раз-то и нет. Да и не может быть. Тысячелетняя жизнь. Нескончаемая юность. Чепуха! А вот сюжет! Литературный сюжет – это да!

– Может быть, он в мусорной урне, этот «сюжет»? Ведь ваш кулек из-под вишен – где он?

– А ведь верно!.. Где мои сандалеты? – вскочил я.

– Куда вы?

– На станцию! Искать кулек. За сюжетом – хоть на край света!.. Ох, пряжка отлетела! Ладно, как-нибудь добегу. А ведь уже в девятнадцатом веке… А где берет?.. Ага, вот. – Теперь я задыхался от волнения. – Подумать только, расчеты жизни на тысячу лет!

Налетел легкий ветер. Лунный блик на полу то отодвигался в сторону, то возвращался на место, подчиняясь движениям створок открытого окна.

– Куда делись сигареты?

– Вот они. Перед вами.

– А спички? Ах, в кармане. Ну, пойдем скорее!

– Нет! Я не пойду с вами. Вы же знаете… Завтра у меня такая встреча. Надо подготовиться. Я рад, что вы заинтересовались этим делом. Желаю удачи!

Легкий ночной ветер осторожно и ласково дул в лицо.

– Бездельник! – на ходу сказал я ветру. – Меня не обманешь. Вот теперь ты мягкий, вкрадчивый, теплый, ластишься ко мне, а там, на станции, где были вишни, днем, не ты ли вмиг разметал во все стороны листки, те листки?.. А их, конечно, уже не найти. Успеть бы мне спасти от гибели злосчастный кулек из-под вишен. Какая досада! Ведь собственной рукой я его смял и сунул в мусорную урну.

Я почти бежал мимо темных спящих дач. Вдоль заборов с лаем носились собаки. И был у них, конечно, свой сговор: от дачи к даче они, словно передавая меня одна другой, подбегали к заборам, лаяли, умолкали… лаяли… А я беспорядочно, отрывочно думал…

…Неведомый человек сто лет назад объявил войну времени, пошел наперекор ходу жизни. А что такое жизнь? Движение! Энергия. Древние греки в мифах рассказали, как люди боролись с богом времени Хроносом… Нельзя! Нельзя дать погибнуть такому сюжету.

Выбежав на просеку, я остановился. Перевел дыхание.

Ах, если б только я нашел другие листки!

ВОТ! ВОТ ОН, ЭТОТ КУЛЕК!

Итак, я сидел на скамейке на платформе станции Зеленцово. Ждал рассвета. Тянулась ночь. Клонило к дремоте. Мысли мои метались беспорядочно: то я начинал думать, что через час-другой, может быть, найду нечто такое, о чем люди не догадываются и даже не мечтают. Потом возникла карта Америки. За полтысячелетия до Колумба была открыта викингами Америка. Открыта. Забыта. И вновь открыта. Ведь нередко люди заново открывают то, что когда-то уже было открыто. И кто знает, может быть, пять – десять тысяч лет назад человечество владело секретом долголетня и вечной юности?!

А потом я, наверное, задремал.

И вдруг капля дождя… одна… другая… упали на меня. Раскрыл глаза. Не сразу догадался, где я, зачем я здесь, на этой деревянной скамейке, в этой темноте кромешной… Вспомнил! Но где же луна? Сосны? Они спрятались от меня.

Но рядом со мной в темноте на платформе белела мусорная урна.

Дождик усиливался, и я в испуге метнулся: размоет листки, которые остались в урне. Снял пиджак, прикрыл урну.

Тьма… тьма… И нет ей края и конца. И, кажется, никогда не кончится этот осторожный стук дождя по платформе.

Но вот потянул ветер. Струи дождя стали редкими и косыми. И я подумал: ветер качает струи дождя и гонит их к урне.

Какой сумрачный, печальный рассвет! Какая мокрая дымка стоит над соснами, над лесом… Багровая резкая полоса показалась на востоке.

Я снял пиджак с урны, осмотрелся и тут же, при первых красных лучах солнца, увидел: на самом дне урны, чуть прикрытый какой-то тряпкой, выглядывает крепко смятый кулек из-под вишен. Вот! Вот он! Вот он, этот кулек!

Не помня себя, задохнувшись от волнения, я схватил свою находку. Вот они, желтоватые листы! Один… другой… третий…

Сердце билось сильно и часто. Послышался гудок. Первый поезд на Москву. Скорее домой!

* * *

Наконец я переступил порог своей квартиры. Ранний утренний солнечный зайчик оторвался от моих открытых настежь окон и, радостно скользнув по стенам, стал греть мою руку.

«Вчера я послал тебя за город, а сегодня – нет! Оставайся дома!»

Мой кот Топ, увидев меня, обезумел от радости, метнулся по квартире, спрятался за тяжелую штору и стал мяукать: «Ищи меня, ищи!»

А потом прыгнул ко мне, лизнул ладонь; «Спать! Спать!»

Я сел на диван, расправил листки кулька, но глаза слипались.

Не помню, как уснул. Сразу!

ДОНОС ЗИМОВЕЙКИНА

Были сумерки, когда я проснулся. Солнечный зайчик давно исчез. Топ блаженно спал возле меня.

Я проспал целый день!

Скорей крепкий чай. И скорей – за письменный стол.

Я расправил листки. Ага! Полностью сохранился какой-то донос. Вот он.

«Ваше Превосходительство»

Милостивый Государь мой

Георгий Спиридонович!

На одну минуточку осмелюсь тронуть Ваше драгоценное время, которое отдаете Вы, Ваше Превосходительство, служению Престолу.

Кто я есть? Помните ли Вы, Ваше Превосходительство, Терешу Зимовейкина? Пожалуй, забыли.

Отец мой, дай бог ему царство небесное, будучи лакеем графа Забельского, по их же протекции определил меня в приготовительный класс той 1-й гимназии, где Вы, Ваше Превосходительство, изволили курс учения начинать. Там я с Вами в первом классе учение проходил. А затем богу было угодно, чтоб меня за один проступок исключили из стен гимназии. Я и ушел в небытие. А Вы продолжали курс наук. А о том, как потом господь бог рассудил меня с моей судьбой – сим вопросом не смею Вам, Ваше Превосходительство, надоедать. Суть же моего сего послания состоит вовсе в другом. Она заключена в великом секрете, к которому я приобщился и который я ношу в себе. Секрет сей касается раскрытия тайного крамольного гнезда, прикрытого под сенью науки.

Должен Вам доложить, Ваше Превосходительство, что жительство я им, ею в Малом Кисельном переулке, что возле Рождественского бульвара. Квартира же моя с вывеской: «Живописец-маляр. Пишу любые вывески». Но вывеска – вывеской, главное в том, что у меня во фруктовом саду снимает домик господин профессор химии Александр Сергеевич Порошин. По странности одного случая я получил возможность проникать в любой час в квартиру, где профессор Порошин проживает с дочерью, девицей Натальей, курсисткой.

К моему жильцу с некоторых пор стали в ночной час под покровом тьмы приходить люди и условно к нему в дверь стучать. Следуя ночью же по их следам, когда оные оставляли дом Порошина, я многое узнал.

А теперь уж подхожу к главному. Обширна библиотека господина Порошина. Неисчислимы в ней книги. Но ангелы небесные мне помогли, и я обнаружил, в каком именно переплете какой книги существует, так сказать, двойное дно. И туда-то на один или два дня профессор Порошин и прячет письма и документы, которые ему доставляют подозрительные люди. Прячет. Кому-то показывает. А затем и сжигает. «Пожалуйста, сжигайте! Сжигайте, господин Порошин, – сказал я себе. – А вот я, грешный человек, прочту корреспонденцию вашу и кому следует доложу». И теперь я в разное время копию с какого-либо письма спимаю. И сразу же подлинное письмо в тайное порошпиское дно назад прячу. А что надо – для Вашего департамента берегу.

Для начала доказательства усердия своего, Ваше Превосходительство, препровождаю Вам копию писем некоего Веригина, с коим Порошины дружбу водят, а он есть настоящий враг Престола. Одно письмо самому господину профессору, а другое – дочке его Наталье, хоть она курсистка, но нестриженая.

Льщу себя надеждой, что труд мой на пользу послужит охраны благоденствия матушки-России. И мне, рабу грешному, Вы воздадите по усилиям моим.

Остаюсь, Ваше Превосходительство, нижайший Ваш слуга и прилагаю при сем копию коварного и крамольного письма.

Верный Ваш слуга до гроба

Терентий Зимовейкин».

К этому доносу Терентия Зимовейкина была приложена копия письма, которое служило как бы продолжением мыслей неизвестного искателя, с которыми я уже познакомился.

Было очень жаль, что от большого, по-видимому, письма искателя сохранилось только два листка, да и то не полностью.

Вот это письмо.

ПИСЬМО ПОРОШИНЫМ

«Александр Сергеевич! Дорогой!

Да! Я осужден. Ссылка. На двенадцать лет.

Сидя в тюрьме я… законы биологии проверял… математика убедила меня… человеку энергию, взятую из природы, которая принесет ему неувядающую юность и…

Еще давно я задумался над тем, где, у кого заимствовать энергию? Вокруг нас и рядом с нами бесконечное разнообразие видов энергии. Люди брали у природы только для своих житейских нужд энергию ветра, рек, водопадов. Но человек вовсе не думал, как помочь своему организму в усвоении такой энергии, которая… и жить тысячелетие.

Нет! Народ не ошибся, когда создал сказку про спящее царство, где люди, проспав 100 лет, проснулись такими же молодыми, как до сна… но я… не сказкой, а наукой… догадка пришла…»

Дальше видны были только размытые следы каких-то вы числений, и лишь в самом низу на листе удалось разоб рать следующие слова:

«…дела своего не оставлю… И еще до контузии… какоето чудо… я верю и не верю… мелодия… моя флейта… а кипрей растет и растет…»

Я отложил листок.

Какой-то кипрей… и еще мелодия… Ничего не по нять!

И я взялся за чтение другого листка.

«Бесценный мой друг,

Наташа, единственная моя!

Завтра меня увезут. Мы расстаемся. На долгие годы. Но где бы я ни был – я буду не один, а с тобой. Только – с тобой. И в эту последнюю ночь перед дальней дорогой должен поведать тебе свое самое сокровенное.

Это было 15 июля 1855 года в Севастополе. Из госпиталя в тот день я ушел под самое утро. Я устал. Я был измучен. Было еще темно. Густой сизый туман лежал над морем. В предутренней темноте на крутом берегу я разглядел сосну. Ее верхушку сорвало вражеским ядром. Прислонился к ее стволу. Опустился на землю. Закрыл глаза. Внизу под обрывом жаловалось и ворчало море. И я забылся, задремал.

Но вдруг я очнулся. Открыл глаза. Солнца не было видно: оно еще не взошло. Надо мной на востоке по небу протянулись золотисто-розовые лучи зари.

Помнишь ли, Наташа, миф об Эос? Смутно?

Я напомню. Бессмертная юная заря Эос полюбила Титона. Но он человек! А следовательно – смертей. И потому Эос с мольбой обращается к богу богов, к царственному Зевсу. Она молит Зевса даровать ее супругу бессмертие. Зевс согласился. А годы идут – быстрые годы. Эос все такая же. Она, юная заря, каждое утро восходит на востоке. А супруг ее стал дряхлым, но не умирающим старцем: ведь Зевс дал ему вечную жизнь!

Ах, горевала Эос, почему она тогда же пе испросила у Зевса не только бессмертие, но и вечную юность своему титану.

Да! Ведь, кажется, Зевс, узнав о горе Эос, сжалился и избавил ее от престарелого супруга, превратив его в цикаду. Вот и весь миф.

Пока я думал об Эос, облака на востоке стали пурпурно-золотыми и плыли все быстрее и быстрее. Ветер же гнал гряду за грядой серые облака. А лучи еще не появившегося солнца прорвались сквозь туман, сквозь предутреннюю мглу. Они, эти лучи, дерзко взбирались на облака. Словно золотые волосы, рассыпались по облакам тысячи лучей зари. А сна их собирала, сплетала в густые крутые девичьи локоны. Золотые локоны! Твои локоны… Я воскликнул: «С добрым утром, Наташа!»

Я взял свою маленькую флейту, с которой, как ты знаешь, никогда не расстаюсь. Начал играть. Мелодия складывалась сама собой. И вот мне показалось… верь мне… кипрей словно слушает… растет… и не раз…

В скитаниях моих ты всегда со мной. И твое душевное участие помогает мне отыскивать верный путь.

Твой всегда, Дмитрий.

А все же не могу вспомнить, что подсказала мне мелодия флейты, когда рос кипрей».

ПИСЬМА, ТЕЛЕГРАММЫ, ЗВОНКИ

Письмо в редакцию журнала «Бюллетень естествознания и фантастики»:

«Дорогие товарищи!

Препровождаю вам подробное описание одной моей находки, сделанной мною, как это ни странно звучит, в мусорной урне на железнодорожной платформе несколько дней назад.

Не кажется ли вам, что находка заслуживает того, чтобы быть напечатанной на страницах вашего журнала?

С уважением Г. Л. Нестеров».

Письма… письма… звонки по телефону…

Как много писем и звонков, после того как в еженедельном журнале «Бюллетень естествознания и фантастики» напечатаны были обрывки записок безвестного искателя, который сто лет назад сделал попытку приоткрыть завесу, скрывающую тайну утраченного человеком тысячелетия жизни. Вот как откликнулись люди на прочитанное.

Письмо научного сотрудника И. Л. Старобельского:

«Дорогие товарищи!

Пишу вам, чтоб вы сразу отдали себе отчет: находка обязывает вас довести дело до конца. Найти те материалы, которые дадут нам представление о личной судьбе неизвестного искателя и о судьбе его поисков, достижений и просчетов в научном плане…

Меня вынуждают так беспокоиться те две-три справки, которые я наугад выхватил из богатейшего архива материалов, посвященных забытым ученым-революционерам и замечательным ученым-самоучкам.

Из напечатанных вами материалов видно, что судебное дело Веригина слушалось в 1858 году.

Итак, только два с небольшим десятилетия отделяют неизвестного нам искателя тысячелетий от замечательного Кибальчича, которого царский суд повесил в марте 1881 года.

Как вы, наверное, знаете, Кибальчич на суде в своем последнем слове просил сохранить и сделать достоянием народа и ученых свои опыты и расчеты по созданию ракет.

Но только после Великой Октябрьской революции завещание Кибальчича было обнаружено и получило достойную оценку.

Или вот еще судьба другого человека, опередившего свой век. Имею в виду замечательного изобретателя подводной лодки Черновского.

Из каземата Петропавловской крепости он в 1829 году взывал, доказывал, что по его замыслу и чертежам можно создать подводную лодку для защиты родины от кораблей врага, для переброски десантов на неприятельские территории и для промышленных и торговых целей.

Дело его значится в Центральном военно-историческом архиве, кажется, так: «Фонд дежурного генерала, 1829 г.,

№ 39. «Дело по просьбе содержащегося в Петербургской крепости минского дворянина Черновского об испытании изобретенного им подводного судна».

И ведь крупнейший инженер того времени, генерал корпуса инженеров путей сообщения Базен, которому начальство переслало чертежи и объяснительную записку Черновского, дал самую положительную оценку этому проекту.

Но погиб в недрах царских тюрем этот смелый и гордый для своего времени замысел, как погиб его творец.

Так и до и после Веригина в царское время погибло немало удивительных людей – этих творцов идей, опережающих свое время на десятилетия, на столетия.

Не знаю, в какой мере достоверны ваши материалы. Тем не менее не сомневаюсь, что в ваших поисках и всем, кому дороги мученики науки, опередившие свое время, они, эти материалы, послужат толчком к поискам в дебрях наших архивов всё новых и новых данных о замечательных самородках – изобретателях и первооткрывателях, погубленных царским режимом.

Научный сотрудник архива

И. Л. Старобельский».

Из письма студента МГУ И. Н. Стромынского:

«Не буду много рассуждать.

В своих комментариях к найденным листкам с интересными выдумками какого-то Веригина вы пишете, что уже неоднократно бывали на станции, где купили вишни, но никто не знает этой женщины, у которой были такие примечательные листки.

Ну и что ж? Приехала женщина. Продала у станции вишни. Уехала. Но что вы конкретно предпринимаете для поисков других листков? Ведь тут же может быть и впрямь какое-то открытие.

Может быть, у этой личности, торгующей вишнями, имеется сотня таких листков, а она разбазаривает их для упаковки своих овощей и фруктов.

Так если вам, уважаемый товарищ, нужна помощь в поисках этой женщины, охотно могу содействовать.

С уважением,

Стромынский Иван,

Москва, Новоподмосковное шоссе, 16, корп. 7, кв. 42».

Телеграмма учеников 7 класса «А» 5-й школы города Закошанска:

«В редакцию журнала «Бюллетень естествознания и фантастики».

Наш вопрос автору двоеточие он пишет всерьез или в шутку тчк Если всерьез пусть ищет листки бессмертием тчк Обязуемся оказать помощь поисках тчк Если выдумал пусть не шутит а скорее доскажет все до конца».

(Девять подписей школьников 7 класса «А»

Закошанской 5-й школы.)

Было еще письмо одного читателя журнала. Длинное. Неодобрительное.

Привожу только последние строки из этого письма:

«Энергия природы! Что ж тут удивительного? Ведь человек ни на минуту не обходится без нее. Только потому и существует, что все время потребляет энергию природы. Например, разве пища человека не продукт животной и растительной энергии природы?

Так о какой же энергии говорит Веригин? И в чем его догадка? Все непонятно. И стоит ли волновать читателя, занимать его ум какой-то «идеей» о тысячелетней жизни? Сумасбродный замысел. Искатель-фантазер просто замахнулся на неосуществимое дело. И не стоит тратить силы на продолжение поисков материалов о Веригине…

Я. Симов, пенсионер».

Но было еще и другое читательское высказывание, как бы возражение Н. Симову:

«Самое легкое – махнуть рукой на все. Еще бы! Ну можно ли представить себе, что человек отгадал тайну продления жизни человеческой на тысячелетие! И когда же? Сто лет назад? Чудеса! Алхимия в XIX веке!

Но не стоит отмахиваться. В поисках философского камня алхимики пытались в средние века заставить элементы претерпевать превращения. Тщетные попытки! И столетия за столетиями над ними смеялись. А вот в наши дни ученые в своих лабораториях создали 11 новых химических элементов, которые были припрятаны природой.

О полете на Луну тоже в свое время только в сказках писали. А теперь – пожалуйста!

По всему видно – Веригин был серьезный человек. Но что за невнятица: он подметил, будто кипрей растет под музыку (странно, конечно). А что дальше? Неизвестно. Это, видимо,

помешала контузия, потеря памяти. Но ведь память часто восстанавливается. Вот и считаю, что следует продолжать поиски сведений, связанных с именем Веригина.

Читатель Гаврилов С. Т.».

Еще до получения писем и телеграмм я решил продолжить поиски материалов о Веригине. Прочитанные высказывания, как прямые, так и «по поводу», окончательно убедили меня в правильности моего решения. Но как приняться за поиски?

Над этим я ломал голову.

ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН

Всю ночь шел дождь. То постучит: так… так… так… – походит по крыше, то остановится, угомонится. Все равноеду еще раз в Мезенцово. Искать женщину с вишнями.

…Вот и платформа Мезенцово.

Сошел с поезда. Кругом пусто. По-осеннему грустно. Небо голубое, с пепельно-серыми облаками. Отяжелевшие от дождя кусты опускали ветки к земле.

Спуск с платформы – шаткая лестница. Тогда внизу около нее сидели две женщины. А сегодня – ни души.

У кого спросить про женщину с вишнями? Я огляделся. Кафе, парикмахерская закрыты. На низком здании надпись: «Мебель». Но на двери белеет бумажка: «Закрыт на учет». Другая тяжелая дверь, наверно ведущая в складское помещение, раскрыта. Около нее стоит молодой человек в модной куртке – черная кожа и трикотажные рукава.

У открытой двери – грузовая машина. Грузчики стаскивают огромные закрытые ящики и проносят их мимо молодого человека в куртке. Он тут же отмечает что-то в листке и любовно поглаживает ящики, на которых нарисованы зонтик и рюмка.

– Простите, – сказал я, подойдя к открытой двери, – я хочу спросить…

– «Тюльпана» нет, и неизвестно… – Молодой человек повернулся к грузчикам: – Легче… аккуратней… тут не пальто, а мебель…

– Простите, – повторил я, – я хочу спросить…

– Я, как директор магазина, вам, гражданин, уже ответил: «Тюльпан» не поступал. Когда прибудет, неизвестно. Посторонитесь!!!

«Что за тюльпан?» – недоумевал я. И, дав дорогу грузчикам, сказал:

– Послушайте, товарищ, я ищу женщину…

– Ищете женщину? – Директор посмотрел на меня.

– Женщину, что в воскресенье торговала вишнями.

– А! Об этом мы поговорим в моем кабинете… Саша, кончай тут, – обратился он к грузчику, – я все сосчитал. Идемте.

И когда мы уселись на полумягкие стулья у лакированного столика, директор, конфиденциально улыбаясь, сказал:

– Вы меня спрашиваете о женщине, которая торговала вишнями?

Я с радостью закивал головой.

– Да! Торговала: разрешено. И записалась у меня в очередь на импортный югославский гарнитур «Черный тюльпан». Дочь замуж выдает. Очень ей нужен гарнитур. Вишнями торговала.

– Да… Да… Да…

– В Москве на «Тюльпан» запись чуть не на два года, – там как бы отцвели тюльпаны… А тут у нас благоухали и зимой…

– Так ведь…

– Понимаю, все понимаю: она уступила вам очередь на «Тюльпан». Могу вас огорчить – очередность не состоится. И не ищите этой женщины.

– Не в этом дело…

– Понимаю вас. Обождите! Очередники оставляют нам открытки со своими адресами… Нюша! – крикнул директор.

В дверях показалась головка. Копна золотистых волос. Голубые спокойные глаза.

– Принеси-ка заявки на «Тюльпан».

Я замер от радостного волнения.

– А их нет, Евгений Николаич, – пропел чистый, хрустальный голосок. – Все повозвращали заказчикам, раз «Тюльпана» не будет. Забыли?

«Вот это неудача», – подумал я и вздохнул.

– Ничем не могу помочь, дорогой товарищ. Очень сожалею, тороплюсь. Желаю здоровья.

И директор, поклонившись, вышел из кабинета, пропустив меня вперед.

Я опять на площади. Моросил дождь. Одиноко стояли тополь ки у платформы. Роняли дождевые капли с желтеющих листьев. Я машинально поднял с влажной глинистой земли круглый плоский камешек. Под таким камнем тогда лежала стопка бумаги с записями о Веригине.

Так и звучит в моих ушах голос этой женщины: «Хозяин мой Иван Гаврилыч, царство ему небесное, сказал агроному. Конечно, нет того, чтоб дочка по вас вздыхала. Но ничего… ничего… Однако же, раз поступила в институт иностранных языков… Стоп! Стоп! Как же я забыл? Как раньше не подумал об этом?

Кончик ниточки опять в моих руках,

Назад. В Москву!

ЭТЮД О ЛЮБВИ И О ВИШНЯХ

Письмо редактору газеты Института иностранных языков «Голос студента» товарищу И. И. Харитоненко:

«Уважаемый Иван Игнатьевич!

Согласно нашей договоренности, посылаю Вам драматическую сценку «О любви и вишнях», которая как бы прямо обращена к незнакомой студентке Вашего института, дочери той женщины, у которой я купил вишни. Прошу поместить ее, если найдете возможным, в Вашей газете «Голос студента». Хочу надеяться, что этот этюд поможет мне в том отчаянно трудном деле поисков и розысков, к которому Вы отнеслись с таким сочувствием.

Ваш Нестеров».

О ЛЮБВИ И ВИШНЯХ

Пелагея Семеновна так посмотрела на дочь, будто первый раз ее видит, и перестала окапывать кусты крыжовника. Лопатка, крепко уйдя в землю, стояла будто на страже: вот-вот надо будет вмешаться в разговор.

– Любишь, значит, – сказала Пелагея Семеновна. – Удовольствий в жизни ищешь! А законный твой жених, агроном, отменяется? Так, что ли?

– Не нужен он мне.

– Молчи! – крикнула Пелагея Семеновна и долгим взглядом посмотрела на стволы вишен и на кусты крыжовника. – Молчи! Стыда в тебе нет!

– Но я люблю другого, ну?

– Так, так! Приказываешь, значит, брать в дом не того, кто твоему отцу-покойнику сад этот помогал сажать, а какого-то…

– Не «какого-то», а того, кто…

– Знаю! Видели! Картинки учится рисовать!

– Так что же плохого? Ну, учится в художественном училище? Ну и что?

– Пусть учится, мне какое дело. Но в дом свой не возьму его. Слово мое крепкое. – И мать с силой поставила ногу на лопату.

– Вы что? Жизнь мою загораживаете? Смотрите, мама, думайте, что говорите!

И хотя высокий забор отделял сад Пелагеи Семеновны от соседского дома, она подбежала к забору, глянула в щелочку, вернулась и почти шепотом спросила:

– Твой, что ли, художник сбережет наш вишневый сад?

– Но я не выйду – слышите! – не выйду за жениха, с которым отец меня за глаза девчонкой сосватал.

– Ну, знаешь, дочь моя!.. Три года ходила в невестах нашего агронома, три года не отказывалась от его предложения…

– Да это все отцова выдумка. А я и не смотрела на агронома: старый, тридцать семь лет… Да пусть ждет сколько хочет! И за какое такое наказание я обязана выходить за него?

– А кто с твоим покойным отцом этот сад сажал? Кто саженцы нам привозил? Кто этот пятистенок строить нам помогал? Твой студент, что ли?

– Мама! Замолчите! Знаю! Наперед знаю ваши слова… – Дочь отвернулась.

– Ты пойми же, глупая! Я ведь уже разузнавала! Твой художник мне сам проговорился: родни у него не перечесть… Наперед знаю: чуть в дом этот он войдет, как за ним из-под Тулы сюда потянутся и сестры его с детьми, и мать, и бог знает кто! И сад мой погибнет!

– Сад… – с недоумением оглянулась дочь. – Почему же он погибнет?

– А ты спроси кого хочешь! Вот выйди на дорогу, на шоссе, выйди, останови любую машину и спроси: «Кто лучше сбережет вишневый сад, который нас кормит, тот ли, кто картинки рисует, или тот, кто помогал сажать сад?..» А! Молчишь? Поняла, дочь моя? Дошло до тебя? – И мать ладонью ударила по стволу дерева: – Не на эти ли вишни я тебе в ГУМе туфли на этих… ну, как их там… на иголках…

– На шпильках, мама.

– …ну, на шпильках, все одно, – туфли покупала. Не на эти ли вишни ты сама, сама заказала себе платье в ателье первого (первого!) разряда… И ты хочешь этот сад губить?! А сапожки тебе надо?

– Мама! Да я лучше в тапочках зиму прохожу, но не стану – поймите вы! – не стану любить того, кого не люблю.

– Ну, коли так, так вот тебе мое последнее слово: не пущу на порог твоего художника… к депутату пойду… в суд подам… не пушу…

«Так что же делать? Как ей втолковать? Кто поможет?» – плакала тихо дочь.

– Довольно! Хватит! Не реви! Выйдешь замуж как надо. Буду внучат нянчить. Порядок будет!

– Что ж получается? Вы, мать, не вишни, а любовь мою на станцию возите продавать в розницу?

– Не дури, говорю! Слушай: свадьбу к покрову сыграем. Весь поселок позовем.

…Уже за лесом заходило солнце. Были молчаливы деревья в саду. В ложбине направо за поселком стлался туман. И дочь и мать молчали. И не знали, что еще им сказать. Потом, не сговорившись, обе подошли к калитке и, распахнув ее, стали смотреть на узенькую тропинку, которая вела к большой дороге. И каждой, возможно, казалось, что придет какой-то новый человек и скажет, на чьей стороне правда. Но по узенькой тропинке к большому пруду шли, переваливаясь с ноги на ногу, только гуси.

От автора

Если б я случайно был свидетелем такой сцены, то что бы я сказал? Надо подумать.

Ведь и агроном любит, ценит искусство, картины. А художник любит и бережет природу.

Но главное – как быть с любовью?

От редакции. Читателей просят сообщать от зывы об этом этюде автору по телефону… или по адресу: Москва, Г-19, Волхонка…

ТАНЯ БОБЫЛЕВА

Ждал. Надеялся. И – дождался.

Было так.

Звонок. Снял трубку. Слышу голос – взволнованный, прерывистый, словно человек откуда-то бежал, бежал, вдруг остановился и сразу заговорил:

– …про любовь. Про вишни. Напечатано в нашей газете. Вы писали?

– Да!.. Да! Я писал! Я! – вскричал я.

«Это она, – подумал я, – она, студентка. Дочь женщины с вишнями».

Не помня себя от волнения, шарю рукою по столу: карандаш! Где карандаш? Запишу, сейчас запишу фамилию адрес.

Стараюсь быть спокойным:

– Кто говорит? Назовите себя.

– Меня зовут Таня… Таня Бобылева. Вы писали… что и художник сбережет сад не хуже садовода, а агроном мо жет и картины понимать.

– Безусловно…

– А мама не верит. Мне ваша помощь нужна.

– И мне нужна ваша помощь. Я у вашей мамы спрошу о листках.

– Каких листках?

– Расскажу при встрече. Дайте адрес. И заодно поговорю с вашей мамой о художнике, о любви и об агрономе.

– Записывайте: поселок Шелковка…

– Пишу. Шел…ков…ка. Дальше?

– Метро «Юго-Западная». Выход к автобусу пятьсот одиннадцатому. Ехать по Внуковскому шоссе. Остановка автобуса называется «Шелковка»…

– Как так?

– Ну, и поселок и остановка на шоссе называются «Шелковка».

– Понятно.

– Сойдете с автобуса. Пройдете немного вперед по шоссе. Увидите, справа на лугу тропинка протоптана. И рядом указатели. Разные. Пройдете направо по тропинке через поле. Километра два… Будут постройки совхоза. Идите на эти постройки… Обогнете коровник… Спуститесь к речке. Там плотина. На плотине гуси… Ай, гуси тут ни при чем… Пройдете плотину. Увидите на пригорке деревню. Крайний дом под зеленой крышей – это наш дом. Поднимитесь на горку. Меж двух заборов тропиночка. Под зеленой крышей теперь дачники, а мы с мамой живем в домике, что в саду. Я вас буду ждать – чуть откроете калитку, увижу. И прокричу: «Мама! Мама! Наш профессор идет к нам! Видно, грибы в лесу собирал… Вот не ждала!» Ну, мама обрадуется: раз профессор, очень ученый, так мама поверит и будет не против ваших слов. Приезжайте же! Очень-очень прошу. Выручайте! Скажите маме, что вы знаете разных художников. И все они имеют сады и берегут их.

– Приеду! Непременно. Когда?

– Сегодня суббота. Приезжайте завтра. В воскресенье ровно к двенадцати часам дня… Так буду ждать у калитки… Маме до вашего прихода ни слова не скажу. Она у меня догадлива. Ну, все. Пока!

– Таня! Таня! А как же зовут вашу маму?

– Надо же! Разве я не сказала?! Бобылева, Клавдия Степановна Бобылева.

«Клавдия… Степановна… Бобылева», – стремительно и косо набрасывает карандаш через весь листок моей записной книжки.

Трубка снова лежит на рычаге. Телефон молчит. Скорей бы! Скорей наступило бы это завтра!

ФЛОТИЛИЯ САРДИН И МОДНЫЙ СТУЛ

Было 11 часов 48 минут, когда я увидел вдали на пригорке деревню. А вот и дом с зеленой крышей.

Вышел на проселочную дорогу. Отсюда, с пригорка, она спускается к пруду. Вот и плотина. Стадо гусей преградило дорогу. Гусак, опуская к земле изогнутую шею и шипя, решительно пошел на меня… Плавают в пруду утки. На низком берегу женщины полощут белье.

11 часов 56 минут.

Присел на скамеечку у сруба недостроенного дома.

Стендаль говорил: «Счастье человека лежит на дорогах самых обыкновенных».

А теперь я пойду меж заборами. Справа и слева надо мною будут склоняться тонкие ветви вишневых деревьев; и крапива, высоко подняв свои стебли, будет смотреть на меня из-за заборов; и, как всегда, репейник попытается зацепить меня своим игольчатым зеленым шариком; и лопух закроет своими листьями все щели в заборе.

12 часов 00 минут. Вот он, дом, где живет Таня Бобылева.

Но почему же она не встречает меня у калитки?

Она ведь обещала…

Полуоткрытая калитка в сад… А в саду – яблони, поддерживаемые тонкими подпорками, а за ними – кружевная зелень морковки, желтоватые зонтики укропа и огурцы… огурцы…

По узенькой тропиночке, задевая тонкие ветви вишневых деревьев, под окошками большого бревенчатого дома, где слышался настойчивый и капризно-тягучий голос ребенка: «Дай… дай» (дачники?!), я шел к домику со стеклянной террасой. Далеко в глубине сада из своего жилья выскочила овчарка, звякнула цепью, взбежала на крышу своей хатки и молча стала следить за мной.

«Где же студентка Таня Бобылева? Почему не встречает меня?» – озираясь, с тревогой думал я.

Отворил дверь террасы. Сколько света, солнца! На миг закрыл глаза после тенистого полутемного сада и увидел: вот она… вот та женщина, что свертывала кульки из заповедных листков. Она!

Но теперь на ней была не кофта со случайными пуговицами, нет! Сильно открытое платье с яркими крупными синими цветами обтягивало ее плотную фигуру; на короткой шее – модные чешские бусы. Гордо сидела она за столом с закусками… А напротив нее восседал коренастый мужчина средних лет в голубой, с «молнией» тенниске и рядом с ним – худенькая женщина в закрытом лиловом платье (жена?). У него и у нее на безымянном пальце поблескивали большие, толстые обручальные кольца.

Все трое с удивлением посмотрели на меня.

А я… я растерянно смотрел то на тюлевые занавески, которые закрывали окна, то на розовую клеенку, местами вытертую до белой подкладки, то на закуски – консервные банки с воздетыми к небу крышками, – словно целая флотилия сардин, шпрот и килек подняла свои металлические паруса и готовилась к отплытию. А рядом и вокруг этой флотилии – бутылка с водкой, бутылки* со сладкой наливкой. Я заметил почему-то, как лихо селедка в белой селедочнице, потонувшая под кружочками репчатого лука, глядела прямо на солнце своей гильотинированной головой. И застыли в немом ожидании глубокие пластмассовые тарелки с кружочками ярко-красных помидоров, фарфоровые тарелки, побольше и поменьше, с кружочками колбасы разного копчения; грибки в маринаде, картофель в мундире в белой кастрюле. А в углу на электрической плитке – большой булькающий чайник, на котором громоздился заварной чайник.

– Таню Бобылеву можно? – сказал я неуверенно и робко.Здравствуйте.

– Таню? – с удивлением посмотрела на меня мать. – Ее дома нет. А что вы хотели?

– Я… она… – начал было я.

– Кланя! Что ж ты за стол не приглашаешь гостя? – сказал мужчина в голубой тенниске с «молнией».

– Садитесь, прошу, – заторопилась хозяйка. – Познакомьтесь: вот братец мой Валентин Степанович с супругой.

Не помню, кто из них подвинул стул. Помню только, что он был очень модный – неустойчивый, на тонких ножках и резко блестел на солнце своей полировкой.

Проклятый стул! Я был окончательно угнетен и подавлен этой полировкой. Боялся шевельнуться.

– Кушайте, пожалуйста, кушайте, – сказала хозяйка. – А давно вы с нашей Таней знакомы?

– Я, собственно, не знаком… Таня мне позвонила.

– Сама?! Первая позвонила? Так вы и не знакомы с ней? – наперебой заговорили за столом.

– Телефонное знакомство? – значительно усмехнулся Валентин Степанович.

– Все не то, – мучился я. Как разъяснить? И со всей убежденностью попытался сказать: – Тут дело касается газетной заметки…

– Какой заметки? – тихо спросил Валентин Степанович, задержав у рта вилку с селедкой.

– Моей… моя заметка… этюд в газете… Я написал этюд. И вот…

– Корреспондент вы, значит? Непорядки помогаете искоренять. Дело хорошее. Выпьем! Кланя, дай чистую тарелочку московскому корреспонденту.

Я машинально поднял рюмку. Блики солнца скользнули по голове селедки и остановились на моей рюмке с золотым ободком.

– Закусывайте… закусывайте, товарищ корреспондент, – подставляла мне консервы, помидоры и колбасу хозяйка.

Вот! Вот! Тем знакомым жестом руки, думал я, с таким же движением плеч Клавдия Степановна сворачивала тогда кульки из жестких листков столетней давности… Надо! Надо сразу, прямо спросить.

Я поднял рюмку и, закусив грибками, сказал:

– Я, собственно, не корреспондент. Мне случилось на станции Мезенцово купить у вас вишни. И вот…

ВСЕ ПОГИБЛО!

– …Так вот, – собрался я с духом, – я хочу спросить о кульках.

– О каких кульках?

– Об упаковке. Точнее – о листках, из которых делались кульки для продажи вишен. На этих листках обнаружил я записи…

– А-а-а… Так вот зачем вы пожаловали… А зачем же говорите: Таня, Таня? Так что же, товарищ корреспондент, скажите прямо: агитация, злостная пропаганда какая была на листках? Конечно, документ от газеты вы нам предъявите… Потом… Отвечай, сестра! Что за листки ты хранишь? Откуда они у тебя? Прямо говори! Мы кто? Мы советские люди. Такие же, как вы, товарищ корреспондент.

– Я ведь сказал: я вовсе не корреспондент, просто написал в газету…

– Понимаю, понимаю, извините. Так говори же, сестра, что за листки у тебя?

– И скажу! И отвечу! – затараторила хозяйка. – Мой покойный Иван Гаврилович как был лесником, так охапками приносил такие листки… из санатория… Там когда-то имение было. Важные господа при царе жили. От них одни только бумаги остались… А Иван Гаврилович эти бумаги для оклейки вот этих стен приносил, чтоб по ним ну… шпалеры, обои пустить…

– Так знайте же, – не удержался я, – на этих листках, может, записана тайна тысячелетней жизни!

– Тысячелетней, говорите? Ага! А грибки в маринаде на вас смотрят, товарищ корреспондент. Хороши грибки в маринаде под «Столичную». Выпьем. Вот и долголетие будет!

– Послушайте же, – попытался я урезонить Валентина Степановича, – очень важные листки для науки, для людей…

– Ясно, товарищ корреспондент, все ясно. – Тут Валентин Степанович вдруг глянул в окно: – Сестра! Клавдия! Кролики-то твои из клеток побежали… Скорей!

Брат и сестра переглянулись и поспешно вышли из домика.

«Что делать? Как убедить этих людей, как получить от них все листки?..» – мучительно раздумывал я.

За столом с отсутствующим лицом сидела жена Валентина Степановича.

Я тоже молчал. Время тянулось невероятно медленно. Казалось, прошли не минуты, а часы.

– Ну и кролики! Беда с ними, едва в клетку загнали, – громко воскликнул Валентин Степанович, входя в домик вместе с сестрой.

– А хочу я вам сказать… – вдруг на певучий лад заговорила хозяйка дома, – хочу сказать: моей Тани не ждите. Конечно, угощайтесь, мы гостям рады, но Таня с женихом по выставкам гуляет… А насчет листков вот что получается. Со всей душой их дала бы вам. Но на рынке – сами знаете: то одному надо творог завернуть, то другому – зеленый лук, третьему – крыжовник… Продаешь, а рядом соседка попросит. Разве откажешь? Ну, и раздала все листки. Так что не беспокойтесь. Кто ж их знал, что те листки понадобятся.

Я молча поднялся.

– Не повезло вам, товарищ корреспондент, – сказал сочувственно Валентин Степанович.

– Я же не корреспондент. Я, собственно…

Хозяйка и ее брат, продолжая что-то говорить, проводили меня до калитки. За мной с резким стуком задвинулась щеколда.

А на плотине, изогнув шею, мне вслед злобно прошипел гусак.

НЕТ! ЭТО НЕ СОН!

– Как я напутал! Как напутал! – терзался я, тяжело поднимаясь по лестнице.

Не зажигая огня, не глядя на кота Топа, который трогал меня лапкой, сидел я в пустой квартире. Окна были раскрыты на тихую Ленивку. В комнатах становилось все темнее и темнее. Я сидел, уронив руки на резные деревянные поручни кресла, поддерживаемые арапчатами, которые, по воле резчика, смеялись. Надо мной?

Вот, шурша, под окном пробегает машина – она спешит к своей цели. Вот на Москве-реке коротко прогудел пароходик. На нем катаются москвичи; их конкретная цель – отдых. Все кругом имеет какую-то свою «целевую установку». А я? К чему мне стремиться?

– Какая бессмыслица! Какая нелепая трата времени!.. – вздыхал я.

Наконец я поднялся с кресла.

Зажечь лампу. Взяться за работу. Пожалуй, за этот тяжелый пакет – рукопись начинающего автора. Буду читать.

Зазвонил телефон. Резко и настойчиво. Я нехотя снял трубку.

– Слушаю!

– Мне Григория Александровича!

– Я у телефона. Кто говорит?

– Таня… Бобылева Таня.

– Таня?! Откуда вы говорите?

– Из Шелковки. С почты. Простите меня. Виновата. Обещала вас встретить у калитки нашего дома в Шелковке. Опоздала по уважительной причине: утром пошла было с моим другом, художником Петей, и его товарищами на выставку в Пушкинский музей. Знаете, верно? Так вот, очередь была страшная. Мы подумали-подумали: а не пойти ли нам в загс? Так и решили. Заняли очередь на выставку, а сами побежали в загс. Подали заявление. Теперь – все. Пусть мамд как хочет. Не отступлюсь. Это вам спасибо. Хоть вы с мамой и не говорили про то мое дело, а меня крепко поддержали своим рассказом в газете. Так что спасибо вам все-таки большое.

– Хорошо, хорошо. Но скажите мне поскорее, как там у вас…

Но Таня меня не слушает.

– Из загса я уж на выставку не пошла, а на всех скоростях полетела в метро, а из метро – на автобус. Думала, успею. Просчиталась самую малость. Такая досадища! Примчалась домой – вы уже ушли, а мама и дядя Валентин Степанович растапливают русскую печь у дачников. Вы им сказали, что печатаетесь в газете, приехали за какими-то листками. Дядя и перепугался. Он что-то был раньше с газетчиками не в ладу. Вот они с мамой и решили: от греха подальше… Лучше пожечь все листки.

– И сожгли?! – вскричал я, схватившись за голову.

– Только начинали. А как я поняла, у вас есть какой-то интерес (может, я не так выразилась – тогда извиняюсь) к этим упаковочным листкам, так я сразу же накричала на мать, на дядю, раскидала щепки и поленья. Листки выхватила из пламени – и сразу в пакет. Звоню вам по телефону с почты. Завтра привезу самолично. С утра пораньше. Все. Пока все.

Телефон умолк.

А я… я стоял у телефона и машинально поглаживал его рукой. Какой ты добрый, старый телефон!

И вечерняя темь мне казалась белым светом.

Нет, это не сон: Таня Бобылева сдержала обещание.

Утром передо мной лежали листки, вытащенные из горящей печки. Те самые листки, из которых женщина в кофте с разными пуговицами, продавая вишни, сворачивала кульки.

Позабыв обо всем на свете, я схватил первый попавшийся листок. Оказалась переписка двух врачей-психиатров. Я погрузился в чтение.

И предстал предо мною совсем иной мир.

Часть вторая
ПОТЕРЯННАЯ МЕЛОДИЯ

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ДОКТОРА ОЗЕРОВА ПРОФЕССОРУ СМЫСЛОВУ

14 так, я прочел первый попавшийся листок. Взялся за другой и сразу увидел: листки перепутаны. Не мудрено: верно, очень торопливо пихали их в огонь проворные руки мамаши и дядюшки Тани Бобылевой в Шелковке!

Я стал осторожно разбирать листки. Одни обгорели но краям – огонь русской печки едва лизнул их; другие по коробились, почернели и ломались при первом прикоснове нии.

Терпеливо подбирал я эти драгоценные нолуистлевшие листки. И вот прочитал:

«Дорогой мой друг и коллега

Степан Иванович!

Жду твоего врачебного и товарищеского совета.

Мне, как тюремному врачу, надлежит обосновать медицинское заключение о действительной душевной болезни политического преступника Веригина, по образованию медика, обвиняемого в действиях, направленных к возмущению в народе и в войсках. Для меня, как эксперта, его болезнь столь же бесспорна, сколь бесспорен для суда факт свершения тяжкого государственного преступления оным человеком.

Твой Николай Озеров.

Прилагаю запись моей первой беседы с Веригиным.

Я пришел в тюремную камеру, чтоб освидетельствовать Веригина по поводу его вменяемости и дать экспертное заключение.

Арестант встретил меня вопросительным взглядом. Я отрекомендовался и спросил, как его здоровье.

– Дважды два… дважды два… Произнесите, доктор, произнесите же только эти два слова, – неожиданно, но очень настойчиво сказал Веригин, не ответив на мой вопрос. – Итак, дважды два? – повторил он. Взгляд заключенного сделался насмешливо-выжидательным.

– Хорошо, хорошо господин Веригин, – поспешно сказал я. – Сейчас произнесу эти два слова. Но, пожалуйста, напомните мне, какой сегодня день?

– А-а… Вы вот о чем! Чаадаева объявили безумцем… И Чацкого, конечно, сочли сумасшедшим… Так вы, доктор, по поручению начальства пришли ко мне в камеру, чтоб проверить, в своем ли я уме. Не так ли? – Ясная, веселая улыбка преобразила лицо Веригина. – Извольте! Отвечу на ваш вопрос. Сегодня среда. 15 июля 1858 года. По святцам это день святого равноапостольного князя Владимира, а попросту – именины. Что? Удовлетворены? Верно?

– Верно.

– Ну, а теперь, доктор, повторите за мной: дважды два.

– Что ж, извольте. Дважды два…

– Стоп! Довольно, доктор, сознайтесь: чуть вы произнесете эти два слова – «дважды два», – как тут же в голове возникло и третье слово: четыре.

– Ну что же? Где дважды два, там и четыре. Но не понимаю, к чему вы клоните.

– А вот к чему: чуть подумал «дважды два», как готово слово «четыре». Слово «низ» тотчас же вызывает в сознании людей слово «верх», при слове «свет» немедленно появляется слово «тьма», слово «да» сейчас же родит слово «нет», «день» – «ночь». Их много, таких непре-

менных слов. А вот на слово «жизнь» тотчас у всех людей на свете мысленно возникает слово «смерть».

– Да, господин Веригин, где жизнь, там и смерть. Жизнь кончается смертью.

– Обязательно? Навсегда?

– Как дважды два – четыре.

– Так нет же! Настанет время, и наши потомки будут вспоминать нас и жалеть, что наш век был так короток и они не смогли увидеть нас.

– Вы хотите сказать…

– Я понял, как распорядиться со смертью.

– Так расскажите.

– Амеба не знает трупа, – медленно начал Веригин. – Она бессмертна. Один ученый подсчитал: от одной особи ресничной инфузории тысячу триста восемьдесят четыре поколения. Ну и прекратил счет. А человеку отпущено семьдесят, самое большее – сто лет. Природа «даровала» человеку разум, ассоциации, волю, но укоротила жизнь.

– Теперь ответьте мне на два вопроса, – сказал я. – Первый вопрос: вы хотите, чтоб человек жил вечно? Ищете бессмертие?

– О нет! – живо отозвался Веригин. – Вечно живут только боги, выдуманные людьми. А я… я ищу (и найду) то тысячелетие, что природа отобрала от человека. Счет веду на тысячу лет.

Почему на тысячу, а не на миллионы… миллиарды?

– А потому, что в природе есть такой счет. Вот секвойя: часы жизни этого дерева природа завела даже не на одну тысячу лет. Ну, это особый разговор.

– Теперь, коллега Веригин, второй вопрос: как вы думаете даровать человеку тысячелетнюю жизнь?

– Исхожу вот из чего. Вы врач, и я врач. Видим – человек болен. А что такое болезнь? Это значит – упала, ослабела энергия сопротивления организма какому-то внешнему или внутреннему воздействию. Но вот человек умирает. Значит, он износился, источник энергии прекратился. Энергия иссякла. А я нашел то необходимое, чтоб восстановить эти живые единицы, этот источник энергии.

– Так-то так, – говорю я, – но все это теория, а на практике как? Чем думаете вы отменить закон бытия?

– В то утро, 15 июля 1855 года, на моих глазах произошло событие. И событие это подсказало мне мою догадку.

– Как отодвинуть смерть на тысячелетие?

– Да. Так. Только вся беда в том, что…

Тут вошел унтер и доложил, что арестанта вызывает следователь.

На этом беседа оборвалась».

ВТОРОЕ ПИСЬМО ДОКТОРА ОЗЕРОВА

«Дорогой Степан Иванович!

Душевно признателен тебе за дружескую готовность помочь мне в моем ответственном казусе.

Следуя просьбе твоей, спешу выслать тебе в самой точной форме описание обстановки жизни больного политического преступника Веригина. Фамилия, имя, отчество. Веригин Дмитрий Дмитриевич. Родители (вопрос наследственности). Воспитание Д. Д. Веригина. Какие способности преобладали у Веригина в раннем детстве? Кого из деятелей наука Веригин считал для себя образцовыми? Какой писатель или поэт был у него самым любимым? Почему? Где Веригин учился? Отец – врач. Мать – дочь инженера-путейца. Никаких отклонений от душевной нормы ни по отцовской линии, ни по материнской не наблюдалось. Родители Веригина, воспитывая в ребенке натуралиста, развивали в нем жажду познания природы и дар удивления перед ее тайнами. «Удивиться – открыть – победить» – вот таков был завет родителей сыну. Естественные и математические. Отца ботаники Теофраста и великого хирурга Николая Ивановича Пирогова. Пушкин. Овидий. Считает, что Пушкин многообразен, как природа в ее вечной изменчивости. Овидия признал своим за его «Метаморфозы», за поэтические образцы бесконечных видоизменений. Сначала дома. Отец преподавал ему математику и занимался с ним Энтомологией по Реомюру. Мать учила его языкам и музыке. Даже была уверена, что из него выйдет композитор. Он сдал экстерном за курс гимназии. А после занимался на медицинском и слушал лекции. Окончил ли университет? Что делал после университета? А после Севастополя? Почему задержан и отдан под суд. На физико-математическом факультете университета в Москве. После сдачи всех экзаменов, получив диплом врача-хирурга, покинул университет. Севастопольская кампания. Там под руководством Пирогова приступил к операциям. Врачевал в одном из уездов Российской империи. После войны бывал за границей. В Лондоне встречался с Герценом и Огаревым. Огарев был ему ближе, чем Герцен. К тому же с Огаревым он был знаком, был дружен еще в университете. Однако от Герцена получал прокламации и воззвания. Прибыв в Россию, стал распространять эту литературу в казармах среди офицеров. Но кто-то выдал его полиции.

Конечно же, дорогой Степан Иванович, я врач, а но следователь – и не напрямик задавал вопросы подсудимому. Этот «материал», извлеченный из моих бесед с Веригиным, я представил в виде вопросов и ответов только для твоего удобства и в целях лучшего понимания сути дела, чтоб тебе виднее была больная точка его души.

Продолжаю запись моей беседы с Веригиным.

– Так вот, Дмитрий Дмитриевич, расскажите мне о вашей догадке, – начал я. – Как она выглядит?

– Она связана с ростом цветка под мелодию моей флейты.

«Похоже, он заговаривается. Плохо дело!» – подумал яу но переспросил:

– Как вы сказали? Цветок рос под мелодию?

Веригин как-то замялся. Смутился. Лицо его стяло задумчивым.

– Это длинная история, доктор, но я вижу, что вы не торопитесь. Пожалуй, я все-таки попробую. Когда в детстве я с отцом ходил по полям и лесам, отец много говорил мне о растениях. О том, что они наши друзья и помощники. «Не было бы растений – не было бы кислорода, – говорил он. – А лекарства? Большинство их приготовляется из трав, плодов, листьев». Мой отец был убежден, что в растительном мире есть средство от всех болезней – туберкулеза, рака, проказы, чумы…

Мать поддерживала отца, но шла еще дальше. Она уверяла, что растения чувствуют ласку и отвечают на нее – их листья делаются крупнее, цветы ярче. «Они мне улыбаются», – говорила мама. Отец смеялся.

Мне было лет одиннадцать, когда мы с отцом пошли на охоту. Присели отдохнуть на краю болота. Отец показал мне растение, которое поедает насекомых, – росянку. Впервые узнал я о хищных растениях. Меня это поразило. Я поверил во всеобъемлемость растений, в их могущество, в их родство со всей природой, а значит, и с нами. Моя мать умерла, когда я еще не закончил курс наук в университете. Я очень любил свою мать, и ее преждевременная смерть меня потрясла. Вероятно, в это время у меня и появилась мечта о продлении жизни человека.

Веригин замолчал, прикрыв глаза рукой.

Я тихо вышел из камеры».

ТРЕТЬЕ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ДОКТОРА ОЗЕРОВА

«Назавтра я опять посетил Веригина.

– Вы, кажется, еще что-то хотели поведать мне, Дмитрий Дмитриевич?

На лицо Веригина набежала тень:

– Вы правы, доктор. Я еще не все рассказал вам. Только вот не знаю, стоит ли говорить. Я и сам в это и верю, и не верю. Часто после бессонной ночи в хирургическом бараке я под утро приходил на берег моря. Туда, где на самом обрыве росли сосна и три куста иван-чая,

Веригин умолк. Словно забыл обо мне.

– Что же дальше? – тихо спросил я.

– Так вот, – встрепенулся он, – я часто приходил к этому обрыву. И знаете, доктор, со мной всегда была вот эта маленькая флейта. И я, чтобы передохнуть, играл одну любимую мелодию. Я сам ее сочинил. Я играл, и казалось мне, что я не один, что кусты иван-чая прислушиваются к моей мелодии. И больше того – однажды мне показалось, что (поверьте, доктор!) какому кусту чаще играешь, тот лучше растет. Поднимается выше других. Да, да… словно слушает и под мелодию растет. Поверьте мне: не один и не два раза я приходил к этим трем кустам иванчая.

– Кипрей? Обыкновенный кипрей?

– Да. Кипрей. Или иван-чай.

– И растет под мелодию?

– Именно. И чуть мне это показалось, я решил проверить. Стал приносить линейку. Вбил палочки около каждого куста, стал на них делать пометки. Зарубки. Выбрал один куст. Поиграю – измерю. И на палочке отмечаю. Опять поиграю. И вижу – растет. Чуть ли не на глазах. Опережает остальных. Понимаете?

Я развел руками.

– Я и сам не верил, – тихо продолжал Веригин. – Но вот… убедился. А понять ничего не мог.

– Это и есть ваше открытие?

– В то памятное утро, 15 июля 1855 года, в тот самый час я (в который раз!) увидел: не только растет куст иванчая, которому я играл, но на глазах моих начинают развертываться лепестки его лилово-красных цветков. И сразу же мне пришла в голову…

– Эта догадка, которая должна отодвинуть смерть на тысячелетие?

– Да! Вы угадали, доктор! – воскликнул Веригин.

– Так в чем же состоит эта догадка?

Веригин горестно всплеснул руками:

– Тут удар пушки… контузия… я очутился в госпитале.

– Так что же? – добивался я.

– Не знаю, доктор, что и сказать.

– Забыли?

Веригин молчал, стиснув руки.

– А когда вы выздоровели… вы приходили к кусту? Играли?

– Приходить-то приходил, но мелодию я забыл. Контузия отняла.

– Так что же? Чуть вспомните мелодию – вспомните и свое открытие, как укротить смерть?

– Хочу верить, что так и будет. Только бы вспомнить!

– Флейта при вас. Так вот. Сейчас принесут цветок. В горшке. А вы заиграете. Посмотрим: будет цветок расти?

– Нет, нет! Не надо, доктор. Смешное дело! Я ведь уже говорил вам – я пробовал. Много раз. До контузии. И после. Разные мелодии – это не то. Цветы их не любят. А вот ту, единственную, которую эти цветы понимали, ее-то я и забыл.

Веригин покраснел. Взгляд его стал раздраженным и нетерпеливым.

«Ага! Он явно устал. Перенапряжение», – подумал я.

– Да! Забыл! – почти крикнул Веригин. – Контузия проклятая! Та единственная мелодия вылетела из памяти. Напрочь. Вот и все. И все. И не хочу об этом больше думать.

Но Веригин вдруг качнулся, прижав ладони к вискам:

– Мои записи… вычисления… понимаете? И все… все останется в судебном архиве. Немыслимо!

С невольным сожалением смотрел я на Веригина. Он поймал мой взгляд. Выпрямился.

– Доктор! – схватил он меня за руку. – Не сострадайте мне! Об опасностях для себя я не думаю. Верьте мне: не я, так другой споет об этом лучше! Но стрелки часов природы будут передвинуты! Тысячу лет будет жить человек… вечно юный.

Мы расстались. Уже за стенами тюрьмы я с горечью говорил себе:

«Забытый мотив… передвинуть часы природы… цветок… флейта. Душевнобольной человек!»

Вот она, жизнь человеческая!

С нетерпением жду твоего совета, дорогой Иван Степанович, как лучше на суде оградить больного человека от нависшей над ним судебной расправы.

Твой Николай».

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ТЮРЕМНОГО ВРАЧА НИКОЛАЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ОЗЕРОВА ИЗ МОСКВЫ ПРОФЕССОРУ СТЕПАНУ ИВАНОВИЧУ СМЫСЛОВУ В ПЕТЕРБУРГ

«Дорогой друг и коллега Степан Иванович!

Суд свершился. Все пропало! Хожу как потерянный.

Подсудимый сам на судебном заседании резко отверг мое медицинское заключение.

– Я избрал свой путь! С него не сверну. Легенда об Икаре – только легенда, – говорил подсудимый. – Но человек больше легенды, мифа, которые он сам же создал. Так что же! Поиски, направленные к раскрытию тайн жизни и смерти, делают сумасшедшие?! Не посчитаете же вы безумцем, сумасшедшим, душевнобольным замечательного инженера, гениального живописца Леонардо да Винчи – ведь он через сотню-другую лет после алхимиков пытался преодолеть земное притяжение, создать механический летательный аппарат. Свои наблюдения над полетом птиц он связал с математикой и с механикой. Сначала легенды, затем алхимики, и вот уже в мир приходит Леонардо со своими расчетами, с наукой. И предсказывает человеку: ты будешь летать лучше птицы! Что бы со мной ни случилось, я буду бороться за свой поиск. Это мой долг перед собой, перед народом, перед человечеством.

Была еще врачебная экспертиза. Но и она отвергла мое заключение.

Короче говоря, в приговоре прочли: «Двенадцать лет ссылки». Не мог я удержаться от слез, слушая приговор.

Вот и не знаю, как вернуться мне к моей будничной медицинской работе – лечение болезней, лекарство, выслушивание жалоб арестантов, доклады начальству, – как сызнова войти в привычную колею жизни. Словно какой-то праздничный магнетизм, исходящий от Веригина, призывает меня…

Крепко обнимаю. Твой Ник. Озеров».

РАПОРТ И ДОНОС

Продолжаю разбирать листы. Терпение… терпение… А что на этом обгоревшем, измятом клочке? Что такое?

Через весь листок поставлена наискось размашистая запись:

«Начальнику канцелярии по особым делам:

1. Веригина не считать в живых.

2. Дело прекратить. Направить в архив».

(Подпись с росчерком.)

«Веригина не считать в живых»?! Что это значит? Гляжу на другой, покрытый пятнами листок, читаю… не могу поверить:

«Приложение к делу о государственном преступнике Веригине Дмитрии Дмитриевиче, осужденном на 12 лет ссылки, согласно статье… Уложения о наказаниях… жандармов Макарова Агафона Семенова и Лугового Ефрема Иванова.

РАПОРТ

Настоящим рапортуем о пропаже и гибели в пургу за селом Скоблики М-ской губернии и уезда преступника Веригина Дмитрия Дмитриевича. И мы, конвоиры Макаров Агафон и Луговой Ефрем, в этом присягаем…

Как въехали мыеюд вечер в село Скоблики, напоили там коней. А потом поехали дальше, чтобы ночевать в селе Дюжево, что стоит от села Скоблики в десяти верстах. Проехав овраг за селом Скоблики, стали видеть, что ветер поднялся и снег пошел. Коням и ямщику было невмочь ехать дальше, поскольку ветер в аккурат лепил им снегом в глаза. Поворотили назад в Скоблики, чтоб там ночевать. Однако же арестанта держали меж собой, как положено. Пурга разошлась, кони оступились с дороги и провалились в снег. Пристяжная постромки порвала, супонь у коренника развязалась, возок в овраг опрокинулся. И пришла беда в том, что коренной как с места рванул, так возок бить стал его по задним ногам. Коренной и понес этот возок. А нас из возка вывалило и в разные стороны разбросало. Ямщик, видно, в село Скоблики побег, куда, наверно, направление имели кони с возком. Мы один другого кликали в темноте и в пурге и едва дозвались и сошлись. А на наш крик преступник будто из оврага и темноты едва слышно сначала отзывался. Крикнул раз и другой. И замолчал. Мы на его голос пошли было. И не нашли. Выходит, что его уж совсем занесло. В ту пору пурга унялась немного, а мороз все крепчал. И сами мы стали замерзать. Добрались едва до села. Стучали мы в окна, чтоб народ преступника искал. Но сделать сие можно стало, только как светлеть начало. И то еще мороз не отпускал. А снегу намело за ночь так, что овраг, где опрокинулся возок, перестал быть оврагом. Доверху снегу намело. Мужики села Скобликово рыли и пересыпали снег, а преступника не обнаружили.

Доказательство о пропаже и гибели оного Веригина будет обнаружено весною. Как снег сойдет, его труп обнаружится. А мы в том, что все так случилось, присягаем и подписываемся. Вместе с нами эту гибель заверяют понятые села Скоблики, в чем и они подписываются, и другие, которые неграмотные, кресты под сей бумагой поставили.

1858 год, декабря месяца 18… дня».

(Подписи.)

Погиб! Веригин погиб под снегом. В пургу. Я нехотя перебираю ворох непрочитанных листков.

Но что это? Знакомый почерк с завитушками. Почерк доносчика Зимовейкина. Читаю.

Вот так так! По рапорту жандармов Веригин погиб, а по доносу Зимовейкина он бежал.

Как же так?

Перечитываю еще раз.

«Ваше Превосходительство!

Бежал! Он, злодей Веригин, бежал! До места не доехавши – и уже бежал. Вот лиходей-то! Мы, верноподданные, жизнь, труд отдаем, стараемся, в беспокойстве пребываем, мучаемся денно и нощно, чтоб их, преступников, крамольников, возмутителей спокойствия царского, ловить, в места не столь отдаленные водворять, а они, видите ли, бегут себе и бегут: игру в кошки-мышки с нами затевают.

Но я, Ваше Превосходительство, ради Трона и ради Высокого Вашего дела опять постараюсь и помогу его, злодея, задержать. Можете не беспокоиться; и труд и усердие мои Вам, Ваше Превосходительство, известны. А каторжник наш беглый не иначе, как в Москве объявится. Ведь у него, у этого Веригина, дела крамольные все в нашей Москве делаются, да и дружба вечная с профессором Порошиным, и амуры с его дочкой Наташкой. А я, Зимовейкин, всегда тут как тут. Обхождение мое с людьми – деликатное. Так что не уйдет от нас злодей.

Уж я Вам, Ваше Превосходительство, докладывал, что давно наблюдения имею за профессором Порошиным, что живет в моем отдельном домике в Малом Кисельном переулке. И я уже снова натянулся, как лук, в Ваших руках и готов жизнь отдать ради поимки злодея. Не уйдет он от нас! Видит бог, не уйдет.

И по-прежнему ожидаю доверенного лица Вашего с приходом в любой день в пять часов пополудни в пивную Чашкина. Остаюсь покорный слуга Вашего Превосходительства

Терентий Зимовейкин».

КОЖАНЫЙ МЕШОЧЕК

«В редакцию журнала «Бюллетень естествознания и фантастики»

Уважаемая редакция!

Направляю вам продолжение истории о неизвестном искателе «XIX века Веригине, а именно: письма тюремного врача, рапорт жандармов и отрывки доносов мелкого соглядатая Зимовейкина. Остальные десятка полтора листков так обгорели и износились, что мне после тщательной подборки их в должной последовательности пришлось внести нужные поправки и дополнения.

Получился несколько неожиданный рассказ Веригина о кожаном мешке, где хранился адрес Атлантиды. Рассказу я предпослал уцелевший листок с письмом, обращенным к Наташе Порошиной, а после рассказа прошу поместить последние материалы – доносы вездесущего Зимовейкина.

Уважающий вас

Г. Нестеров».

Письмо Веригина Наташе Порошиной

«Я здесь, Наташа! В Москве! На свободе.

До места назначения им не удалось меня доставить.

Это письмо я посылаю тебе через те же верные руки. Прочти сама, дай прочесть твоему отцу, Александру Сергеевичу. И, как всегда, потом сожги.

В Москве я пробуду недолго.

Я чуть не погиб в пургу. Под вой и свист пурги, заносимый снегом, видел сияние твоих глаз. И разве не твой тихий голос слышал я в ту лихую ночь? Ты, Наташа, ты всегда со мной, Эос моя золотая.

Твой навсегда Д.».

КОЖАНЫЙ МЕШОЧЕК

(Рассказ Веригина)

Собака Ворожба

Итак, обоз спас меня от гибели. Возчики, которые откопали меня из-под снега, говорили мне:

– Не нас благодари, а нашу собаку. Это она учуяла тебя под снегом. А кличка ее – Ворожба. Вот она и наворожила тебе жить да жить.

Меня ищут

Всю ночь лежал я на большой русской печи на постоялом дворе, где меня гостеприимно приютили. Прикрытый дерюгами, рядном и мешками, лежал я, прижавшись к стенке.

К утру вьюга за окном отшумела.

Чуть рассвело, как заскрипела дверь, шумно вошли жандармы.

– Эй, хозяин, мужики! – раздался окрик. – Бери лопаты. Всем селом – ссыльного из-под снега доставать. Откопать. Живо!

– И что его, сердечного, искать, ваши благородия? Ведь замерз. Вот весной снег сойдет, он и найдется, – затараторила хозяйка.

– Не твоего ума дело! Не разговаривать!

– А вот и не стану молчать! Не стану! – покрикивала хозяйка, шумно ворочая горшки в печи.

– Молчи, баба! Эй, мужики, поворачивайтесь! – командовали жандармы.

Заскрипела дверь. Захрустел снег за окошком под ногами людей. В избе стало тихо.

Я осторожно выглянул из-под мешка. В избе – ни души. Даже хозяйки нет: ушла, видно, задать корм корове и увела с собой ребят.

Рапорт о моей гибели

Ожидая возвращения жандармов, я опять забился под мешки и дерюги.

Но вот изба снова заполнилась людьми. Жандармы уселись за стол и стали писать. Хозяйка то и дело шикала на детей. Мужики молча курили. Наконец жандармы начали раздельно читать вслух рапорт о моей гибели. Я узнал, что меня похоронила вьюга. Всем, кто был в избе, жандармы приказывали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.